Философский словарь

Автор:
Андре Конт-Спонвиль

Философский словарь

Андре Конт-Спонвиль

Философский словарь известнейшего современного французского философа. Увлекательная книга о человеке, обществе и человеке в обществе. Литературное дарование автора, ясный слог, богатый остроумный язык превращают это чтение в подлинное удовольствие.

Для широкого круга читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Андре Конт-Спонвиль

Философский словарь

Патрику Рену

Andre Comte-Sponville. DICTIONNAIRE PHILOSOPHIQUE

Ouvrage publie avec l’aide du Ministe?re fran?ais charge de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

© Presses universitaires de France, 2001

© Е. В. Головина, перевод, 2012

© А. П. Поляков, предисловие к русскому изданию, 2012

© Палимпсест, 2012

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2012

Предисловие к русскому изданию

Приглашение к размышлению

Что такое философия – наука жизни для всех или знание для избранных? Во французской философской традиции сложились две точки зрения на этот вопрос. Одну из них изложил Вольтер в предисловии к изданию своего «Философского словаря» 1765 г.: «Простой человек не создан для подобного знания; философия никогда не станет его уделом. Тот, кто утверждает, что существуют истины, которые следует скрывать от народа, может не волноваться: народ не читает. […] Короче говоря, философские труды пишутся только для философов…»

С Вольтером категорически не согласен другой великий французский мыслитель – Дени Дидро, в свое время бросивший призыв: «Давайте скорее популяризировать философию!»

Андре Конт-Спонвиль (род. в 1952 г.) – один из самых известных в современной Франции философов – в этом споре явно на стороне Дидро. Это может показаться парадоксальным, ведь именно «Словарь» Вольтера стал, наряду с «Суждениями» мыслителя середины XX века Алена, тем отправным пунктом, с

которого «стартовал» «Философский словарь» Конт-Спонвиля. Действительно, в книге повторены большая часть 118 терминов, составивших труд Вольтера, и все 264 определения Алена, разумеется, в собственной авторской трактовке. Кроме того, словарь Конт-Спонвиля гораздо объемнее обоих своих предшественников и включает около 1200 терминов. И это «расширение» во многом достигается за счет включения в него слов, обычно не входящих в состав философской терминологии, – таких, как «Мягкость», «Терпимость», «Глупость» и многие другие.

Конт-Спонвиля часто называют популярным философом, и эта оценка имеет под собой определенные основания. Его книги, начиная с «Малого трактата о великих добродетелях» (Petit traite des grandes vertus), продаются многотысячными тиражами и не раз входили в десятку бестселлеров последних лет. Преподавательская работа в университете «Париж-Пантеон» (Сорбонна) не мешает ему сотрудничать с редакциями популярных периодических изданий, например вести постоянную авторскую рубрику в журнале «Психоложи магазин». Конт-Спонвиль охотно выступает на радио и телевидении, принимает участие в различных ток-шоу и «круглых столах», посвященных жгучим проблемам современности – от борьбы с терроризмом до клонирования, от эвтаназии до социального страхования.

Секрет публичного успеха Конт-Спонвиля, разумеется, неотделим от его способности обращаться практически к любой зрительской и читательской аудитории, излагать свои взгляды доходчивым, образным, живым языком. Но одной «легкостью общения» его известность объяснить невозможно – будь это так, философ стал бы всего лишь очередным бойким шоуменом, которым сегодня несть числа. Дело, скорее, в характере и смысле того, о чем Конт-Спонвиль говорит с читателем и зрителем, и тональности его бесед с ними.

Магистральная тема выступлений Конт-Спонвиля – это философия, но понимаемая не как наука (такой науки не существует, убежден мыслитель; на звание научного может претендовать лишь знание истории философии), а как настоятельная потребность каждого живущего на свете человека искать и находить ответ на вопросы, в русской культуре традиционно привычно именуемые «проклятыми», и в первую очередь на главный из них – как жить? Как жить, если знаешь, что смертен? Надо ли стремиться к полноте знаний, если в мире всегда есть и будет нечто не доступное твоему пониманию? В чем состоит долг каждого из нас? Наивно думать, считает Конт-Спонвиль, что можно найти окончательный, абсолютный ответ на эти и другие, того же порядка,

вопросы. Но думать над ними необходимо, и для этого совсем не обязательно иметь степень магистра философии. «Освободить» человека от этих, порой мучительных, размышлений о собственной жизни может только глупость, ведущая к обскурантизму и являющаяся его фундаментом.

Поэтому книги и публичные выступления Конт-Спонвиля – это прежде всего приглашение к размышлению. И не случайно они встречают такой живой отклик столь многочисленной аудитории. Свою миссию философ видит не в том, чтобы «простыми словами» изложить сложные для понимания истины, открытые великими мыслителями прошлого, а в том, чтобы помочь каждому пытливому уму открыть их самостоятельно, взглянуть на них через призму собственных мнений и оценок, приложить их к собственной жизни.

В этом смысле «Философский словарь» Андре Конт-Спонвиля особенно интересен. Заданная форма – «слово – определение» – позволяет автору изложить свое понимание предметов и понятий, которые он считает важными для философии. Иногда отдельная словарная статья занимает всего несколько строк, иногда растягивается на несколько страниц. Но и в том и в другом случае сформулированные им определения, его аргументация отражают мировоззрение автора.

Если попытаться коротко выразить ее существо, то можно сказать, что Конт-Спонвиль – философ-материалист, философ-атеист и философ-гуманист. В числе его «духовных учителей» – Эпикур, Фрейд и Спиноза. В отличие от многих современников, приверженцев постмодернизма (таких, как Жан Франсуа Лиотар или Жак Деррида), он искренне дорожит западноевропейской философской традицией, не превращая, впрочем, следование ей в догмат и многократно предостерегая от этого соблазна своих читателей.

Читать «Философский словарь» Конт-Спонвиля можно выборочно, обращаясь к той или иной конкретной статье, или насквозь – как увлекательную книгу о человеке, обществе и человеке в обществе. Несомненное литературное дарование автора, ясный слог, богатый яркими сравнениями и остроумными шутками язык превращают это чтение в подлинное удовольствие. Конт-Спонвилю свойствен эмоциональный стиль изложения, не имеющий ничего общего с усложненным, а порой и туманным стилем ученых трактатов. Умение философа «зрить в корень» описываемого явления, преодолевая стереотипные представления о нем, подарит каждому, кто даст себе труд прочесть его сочинение, немало открытий.

Хотелось бы надеяться, что эти качества оригинального текста не пострадали при переводе книги на русский язык, хотя без некоторых потерь, к сожалению, обойтись не удалось. Язык связан с мышлением не просто тесно, но неразрывно. Поэтому некоторые французские слова, не имеющие прямых аналогов в русском языке, оказались по необходимости опущены. При переводе несловарного текста в подобных случаях обычно используют всевозможные обходные пути – передают понятие при помощи описательных средств, вместо одного емкого слова прибегая к целой словесной конструкции. Для словаря, построенного по принципу «слово – определение», этот способ неприменим. Поэтому русский перевод по сравнению с оригиналом короче примерно на десяток определений. В числе «жертв» этой вынужденной редукции оказался, например, термин «differance» (не путать со словом difference – различие), предложенный Жаком Деррида и являющийся производным от французского глагола differer, имеющего два значения: «отличаться» и «откладывать что-либо на более поздний срок». По Деррида, differance – это в первую очередь онтологическое отличие, но временное, преходящее и в настоящем времени, которое, по Конт-Спонвилю, равнозначно всему сущему, являющее собой эквивалент ничто. Очевидно, что передать все эти тонкости мысли, основанные именно на многозначности французского слова, сохранив форму «словарного объяснения», по-русски фактически невозможно.

В некоторых других случаях потери носят частичный характер. Так, слово homme по-французски имеет два значения: «мужчина» и «человек». Здесь переводчик стоял перед выбором – какое из двух значений предпочесть? Мы остановились на втором, более широком и более значимом в философском контексте (в словарной статье автора его толкованию посвящено в несколько раз больше места, чем объяснению первого значения). Поэтому статья Homme в русском варианте фигурирует под термином «Человек», а от определения термина «Мужчина» пришлось отказаться.

К счастью, общее число «подводных камней» подобного рода в процентном отношении незначительно, и в целом объем книги остался практически тем же, что и в оригинале.

Еще одно замечание касается терминов, заимствованных из античного философского словаря и традиционно сохраняющих латинское написание, в том числе и на языках, не пользующихся латиницей, – conatus, clinamen и ряда других. Способ выделения каждой из таких статей в отдельный раздел (по первой букве латиницы) показался нам неоправданно тяжеловесным, и мы

включили их в общие буквенные разделы, руководствуясь фонетическим признаком (так, оба указанных термина читатель найдет в разделе слов на букву К).

В своей статье о словарях Андре-Конт Спонвиль подчеркивает условный характер организации словарного материала в алфавитном порядке, который на самом деле есть не что иное, как разновидность беспорядка. Мы «перетасовали» все словарные статьи в соответствии с «беспорядком» русского алфавита и надеемся, что автор книги и читатель русского перевода простят нам эту вольность.

В одном из интервью журналу «Монтань» («Гора») Андре Конт-Спонвиль специально подчеркнул: «Я задумал эту книгу не как словарь по философии, а именно как философский словарь, стремясь в первую очередь выразить в ней собственную систему взглядов». Действительно, словарей по философии, содержащих отстраненное («объективное») изложение философских учений и доктрин, существует много. Словарей, являющих собой смелую попытку автора в рамках единой концепции проникнуть в существо теоретических, а также практических вопросов, волнующих человека, появляется гораздо меньше. Таков «Философский словарь» Андре Конт-Спонвиля.

А. П. Поляков, научный редактор

От автора

Почему я решил написать философский словарь? Из любви к философии и к определениям.

Ни один язык не способен мыслить, но мышление возможно только на конкретном языке, благодаря языку, а порой и вопреки языку. Вот почему нам нужны слова. Вот почему одних слов нам мало. Слова – наш инструмент, и каждый пользуется им как умеет. Ради красоты речи? Нет, это была бы лишь риторика. Ради красоты мысли и наполненности жизни, а это уже философия, вернее говоря, здесь-то и начинается философия. «Для правильных поступков

необходимо верное суждение», – говорил Декарт. Это подразумевает, что мы должны знать, о чем говорим и что именно говорим; это подразумевает, что мы должны обладать опытом и опираться на определения. Опытом нас снабжают мир и жизнь. Определения нам приходится вновь и вновь изобретать самим.

Ни одно слово не имеет абсолютного, вечного смысла. У него есть лишь значения, диктуемые употреблением, а значит, всегда возможны другие слова и иные употребления. Поэтому смысл слов без конца меняется как во времени, так и в пространстве; он зависит от контекста, от ситуации, от личности говорящего, от занимающих его проблем. Особенно справедливо это в отношении философии. Каждый, кто занимается философией, обращается к «речи и рассуждению», как отмечал Эпикур, следовательно, обращается к словам, одновременно подстраиваясь под них и подстраивая их под себя. При этом надо еще донести свою мысль до других. Чтобы тебя поняли, необходимо согласие, пусть приблизительное и временное, относительно некоторого количества определений. Как иначе вести диалог, аргументировать свои выводы, убеждать других в своей правоте? Любое философское учение выражается с помощью слов, чаще всего заимствуемых из обиходного словаря. Но философ по-своему обрабатывает эти слова, делая их более точными, более строгими, более ясными, – он обогащает или воссоздает их смысл. Философия пользуется заемными словами, но идеи, понятия и концепции она изобретает самостоятельно. Процесс этот бесконечный. Язык – не более чем материал, и каждый волен сотворить из этого материала собственный мир, построить из него здание собственной мысли. Одних определений для этого мало. Но возможно ли надеяться на успех предприятия, вообще обходясь без определений?

Эта книга родилась из восхищения автора перед двумя шедеврами – «Философским словарем» Вольтера (1) и «Суждениями» Алена (2). Для меня они и образец, достойный подражания, и вызов, требующий ответа. Кому-то подобное соседство покажется странным – разве можно написать книгу, задуманную как продолжение двух других, к тому же столь непохожих друг на друга? Но сама трудность замысла стала для меня дополнительным стимулом к осуществлению этой попытки. А удовольствие, не покидавшее меня во все время работы, служило мне надежной поддержкой. Человек не обязан писать книги. Но тот, кто пишет книгу, не обязан изнывать от скуки.

Одно признание в том, какие именно книги я взял себе за образец, уже объясняет, в какой тональности написан настоящий «Философский словарь» и к

какой аудитории он обращен. Ученых педантов предупреждаю сразу: я не намеревался сочинить исторический труд или блеснуть эрудицией. Напротив, меня вело желание с максимально возможной свободой выразить собственные мысли, изложив их в алфавитном порядке, который с равным основанием достоин именоваться алфавитным беспорядком, и единственным ограничением, что я перед собой ставил, было стремление найти определение конкретному заявленному слову.

Итак, эта книга представляет собой сборник дефиниций? Именно таким был мой первоначальный замысел, но постепенно он расширился. «Я поглощен задачей отчитаться в алфавитном порядке перед самим собой во всем, что я должен думать об этом и том мире», – писал Вольтер в письме, адресованном г-же Дю Деффан (3). К тому же самому стремился и я. На вопрос о сюжете этой книги я хотел бы ответить словами Рене Помо, автора предисловия к «Словарю» Вольтера: «Все, что может быть выстроено в алфавитном порядке, иначе говоря – все на свете». Следовательно, я задумал написать бесконечную книгу – во всяком случае, теоретически бесконечную, и в силу этого не способную претендовать на исчерпывающую полноту. Принимаясь за работу, я заранее смирился с мыслью, что довести ее до конца будет нельзя. Это отчасти извиняет тот факт, что книга получилась такой длинной – ведь по сравнению с тем, какой она могла бы быть, это пустяки. «Если вы не испытаете ко мне никакой благодарности за то, что я вам рассказал, – предупреждает Дидро читателя в предисловии к “Жаку” (4), – будьте хотя бы признательны за то, о чем я не рассказал». А ведь Дидро поведал нам всего лишь одну конкретную историю! Что же делать тому, кто намерен изложить целую философию? Я питаю беспредельное восхищение к Дидро, который со товарищи решился на смелую авантюру издания огромной «Энциклопедии». Но ближе мне, во всяком случае в этом плане, все-таки Вольтер, одобрявший только «прикладной энциклопедизм». Он довольно сдержанно отнесся к попытке Дидро и Д’Аламбера (5) составить немыслимо пространный «Словарь», хотя и не отказался от сотрудничества с ними. Руководствовался он соображениями практической пользы. Если бы Евангелие, говорил он, состояло из бесчисленного множества томов, мир никогда не стал бы христианским. Я никого не собираюсь обращать в свою веру, но не вижу ничего отталкивающего в том, чтобы быть полезным. Поэтому на всем протяжении своего труда я старался быть как можно более кратким. Я не боялся показаться неполным – я боялся быть скучным.

В своем настоящем виде этот том не заменяет ни одного из доступных читателю словарей, прежде всего – тех двух изданий, с которыми я сам чаще всего консультировался по ходу работы. Речь идет о коллективных трудах, вышедших

в начале и в конце минувшего века благодаря усилиям Андре Лаланда (6) и Сильвена Ору (7). Но и эти два словаря не заменят моего. Язык у нас один на всех. Философия у каждого своя.

В каждом отдельном случае я отнюдь не стремился привести все возможные значения того или иного слова, даже закрепившиеся в философском лексиконе, как не страшился иногда отойти от его наиболее распространенного смысла. Каждый философ – сам хозяин своим определениям. Об этом напоминает нам Спиноза. «Мне известно, что в повседневной речи эти слова имеют другой смысл, – пишет он в “Этике”, – но я видел свою задачу не в том, чтобы объяснить смысл слов, а в том, чтобы объяснить природу вещей, используя для их наименования вокабулы, привычный смысл которых не так уж далек от понимаемого мною». Того же самого хотелось достичь и мне, и потому-то и появилась эта книга. Философский словарь – не то же самое, что обычный словарь, его законы диктует не употребление, а мысль. Но разве не всякая философская мысль – единственная в своем роде? Однако, чтобы быть понятой другими, она не должна слишком далеко удаляться от общепринятых значений. Это двоякое ограничение довлело надо мной во все время работы. Ни один язык, как я уже отмечал, не способен мыслить сам по себе, но человек мыслит только в рамках уже существующего языка, сложившегося задолго до его появления, языка, который он не властен переделать на собственный вкус. Я с недоверием отношусь к неологизмам, считая этот путь слишком легким, слишком исполненным тщеславия и редко приводящим к цели. Что касается варваризмов, даже сознательных, то они и вовсе внушают мне ужас. Куда лучше, как мог бы сказать Малларме, вкладывать подлинный смысл в слова своего племени.

Но какие именно слова? Не столько из вызова, сколько из своего рода озорства я решил повторить большую часть 118 словарных статей, фигурирующих в «Философском словаре» Вольтера (издания 1769 г. и за исключением имен собственных), а также почти все из 264 терминов, составивших «Суждения» Алена. Остальное требовало отбора, а любой отбор в этой области субъективен. Я отдал предпочтение собственно философскому словарю, что, на мой взгляд, нормально, впрочем не замыкаясь в узкие рамки философии. Ни одно слово само по себе не является носителем философского смысла – все зависит от того места, которое отводит ему то или иное учение. Обычный язык лучше жаргона, разумеется, при условии, что обычного языка достаточно для выражения нужной мысли.

Я отказался от включения в книгу имен собственных, которые требуют сочинения отдельного труда. Возможно, когда-нибудь я его и напишу. Что касается слов, производных от имен собственных, я отобрал лишь те из них, содержание которых не исчерпывается именем мыслителя. Так, читатель найдет здесь статьи о платонизме, эпикуреизме и стоицизме, ибо значение этих явлений шире изложения соответствующего учения каждого из создателей, но не найдет статей об аристотелизме или гегельянстве – направлений мысли, во многом остающихся в плену учений своих творцов. Меня интересовала философия, а не история философии, отдельные концепции, а не стройные системы.

Объем каждой отдельной статьи отнюдь не отражает философской ценности определяемого понятия. Например, статья «Предосторожность» занимает существенно больше места, чем статья «Благоразумие», что вовсе не значит, будто первое понятие важнее второго (на самом деле справедливо как раз обратное). Просто мне показалось, что определение благоразумия встречает гораздо меньше трудностей, чем определение предосторожности, тем более что в другом месте я уже достаточно подробно останавливался на благоразумии, правда трактуя его с несколько иной точки зрения. Таких примеров я мог бы привести множество. Скажем, я лишь бегло рассматриваю 18 различных добродетелей, каждой из которых посвящена отдельная глава в моем «Маленьком трактате о больших добродетелях», так же как 12 других понятий, названиями которых озаглавлены главы моих «Представлений о философии». Зачем многословие, если можно быть кратким? Зачем повторяться?

И конечно, я был не в состоянии в подобном издании привести все ссылки, ибо им несть числа. Поэтому по ходу дела я указываю в скобках только те сочинения или их фрагменты, которые нельзя не указать: это не столько ссылки, сколько рекомендации читателю.

Алфавитный порядок, который являет собой всего лишь удобный беспорядок, позволит каждому из читателей свободно перемещаться в пространстве книги. В качестве эпиграфа я охотно повторил бы слова, приведенные Вольтером в предисловии к его «Словарю»: «Эта книга не требует последовательного чтения; на каком бы месте вы ее ни открыли, вы найдете в ней пищу для размышления». Что касается моей книги, то, возможно, такой подход сгладит ее недостатки, которые я сознаю лучше, чем кто бы то ни было. «Самые полезные книги, – продолжает Вольтер, – это такие, половину труда по созданию которых берет на себя читатель, продолжая мысль, встреченную в зародыше, исправляя то, что

кажется неправильным, укрепляя силой своего размышления то, что кажется слабым». Спасибо читателям, которые не откажутся пройти вместе со мной эту вторую половину пути…

А

Аббат (Abbe)

От арамейского «abba», позже перешедшего в церковный греческий и церковный латинский, – отец. Вольтер заметил в этой связи, что аббатам следовало бы плодить детей, тогда от них была бы хоть какая-то польза… Пожалуй, на сей раз в своей страсти к этимологии он зашел далековато.

Когда-то аббатом называли настоятеля монастыря; ныне называют любого священника, духовного отца монахов или своей паствы. Вольтер упрекал аббатов в богатстве, тщеславии и излишествах. «Вы воспользовались временами невежества, суеверия, безумия, чтобы отнять у нас наше наследство и попирать нас ногами, чтобы разжиреть, высасывая соки из несчастных; трепещите, как бы не наступил день разума» («Философский словарь», статья «Аббат»). Вряд ли он ошибался, говоря о современных ему аббатах. Но сегодня, когда такое множество аббатств стоят пустые или почти пустые, мне нередко случалось, вступая под безлюдные величественные своды Нуарлака, Сенанка или Фонтене (8), с сожалением думать об этом запустении и скудости и, взирая на плоды столь умелого строительного искусства и следы столь очевидной возвышенности духа, чувствовать причудливую смесь благодарности, восхищения и тоски по ушедшему… Настал ли день разума? Он никогда не настанет. Впрочем, если бы Вольтер оказался сегодня среди нас, он наверняка торжествовал бы победу над священниками и инквизиторами. Сколько аббатств смела Революция? Сколько было обращено в фермы и склады, а ныне – в музеи? Монахов все меньше, туристов все больше. И много ли среди последних тех, кто понимает, что недостоин первых? Вместо аббатств мы возводим отели, вместо монастырей – больницы, вместо церквей – школы.

Жалеть об этом не стоит. Но почему наши постройки обязательно должны быть такими уродливыми, безликими и унылыми? Почему они способны так мало сказать душе и сердцу?

Конечно, прекрасно, что мы избавились от инквизиции и церковной десятины, от придворных аббатов и непристойного союза трона и алтаря, от деспотизма и суеверий. Всем этим мы обязаны, по крайней мере частично, Вольтеру и его друзьям. Век Просвещения заслуживает благодарности. Но стоит ли обольщаться по поводу нашей эпохи? Принимать туризм за духовность, искусство за религию, а хобби за искусство? Разве лучше обожествлять «аудимат» – прибор, позволяющий с точностью подсчитать, сколько именно зрителей посмотрело ту или иную телепередачу? Молиться на биржевой индекс ценных бумаг? Поклоняться футбольной команде Франции? Никакой день разума не наступил. Наступил день торжества капитализма, о котором так мечтал Вольтер, но который сегодня подмял под себя все, в том числе рынок культуры и информации. Настал день массовых изданий, чванливого торгашества и всеобщей коммуникации, с нарциссическим восторгом взирающей на самое себя. «Говорите мне обо мне, ибо ничто другое меня не интересует…» И мы готовы всю свою жизнь превратить в бесконечный фильм, транслируемый через Интернет… Это много лучше, чем инквизиция, скажет кто-то. Наверное, так. Но этого все-таки слишком мало, чтобы спасти цивилизацию.

Времена меняются. Сегодня даже мне, вольнодумцу, встреча с аббатом покажется приятным сюрпризом. Надо же, говорим мы себе, нашелся все-таки хоть кто-то, кто не совсем забыл о главном, кто не спешит продать свою жизнь любому, кто больше даст, с кем у меня настоящие разногласия, а не тоскливое раздражение, как с остальными современниками. Бой продолжается. Бой за Просвещение, за права человека, за счастье. Только противники теперь другие. Лишний повод предпринять попытку составления нового «Карманного философского словаря» – именно так поначалу назвал свое творение Вольтер.

Абсолют (Absolu)

В форме прилагательного (абсолютный) указывает на признак полноты (absolutus) и всеохватности, не признающей ни ограничений, ни оговорок. Например, абсолютная власть, абсолютное доверие, абсолютное знание… Как

правило, выражения подобного рода содержат явное преувеличение. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что человечество само по себе являет довольно яркий пример ограничения.

В философии термин чаще всего используется в форме существительного. Абсолют это то, что существует независимо от каких-либо условий, ограничений, точек зрения, то есть то, что автономно и отделено от всего прочего.

Абсолют должен быть причиной самого себя (иначе он зависел бы от причины) или существующим сам по себе (в отличие от того, что относительно). Он может быть только Богом или всем сущим. То, от чего все зависит, само не зависит ни от чего. Целостность отношений безотносительна.

Абсолют – другое название бытия в себе и для себя. То, что наш доступ к нему относителен, не отменяет того, что он заключает нас в себе.

Абсолюция (Absolution)

В праве иногда определяется как нечто отличное от оправдания. Оправдывают невиновного, абсолюцию же применяют к виновному, когда наказание невозможно (не предусмотрено законом) или нежелательно (закон на нем не настаивает).

Но основное, сакральное значение термина – прощение. В этом смысле только Бог, если он существует, может нас простить, т. е. зачеркнуть наши грехи. Отметим, что тем самым предполагается, что мы виновны. Это многое говорит как о религии, так и об атеизме.

Абстракция (Abstraction)

«В науке существует только общее, – говорил Аристотель, – а в существовании – только единичное». Поэтому всякая наука по определению абстрактна, ибо она рассматривает общность законов, отношений или понятий, а не единичность

существования. Она и существует как наука лишь при условии отделения (abstrahere) от непосредственной реальности. К философии это относится в той же мере, в какой относится к любой теоретической деятельности. Не существует конкретной мысли: конкретная мысль являла бы собой либо весь мир, а он не мыслит, либо Бога, а он не поддается осмыслению. Именно это и отделяет нас от Бога и мира; и первое и второе для нас – лишь абстракции.

Абстрагироваться от чего-либо значит мысленно изолировать нечто, что существует лишь вместе с чем-то другим, либо, наоборот, соединять мыслью то, что существует лишь раздельно друг от друга. Например, цвет, какой-нибудь цвет, рассматриваемый независимо (или, как еще говорят, отвлеченно) от того или иного окрашенного предмета, является абстракцией (красный цвет – абстракция). Или форма, рассматриваемая независимо от предмета, имеющего эту форму, и даже независимо от любого материального объекта (треугольник, куб или шар суть абстракции). Или совокупность объектов, рассматриваемых без учета различий между ними (совокупность треугольных, кубических, шарообразных предметов суть абстракции; совокупность людей или живых существ есть абстракции). Отсюда геометрия, физика, биология и остальные науки.

Абстракция – тот обходной путь, которым двигается мысль, чтобы вернее достичь истины, нечто вроде вынужденного упрощения. Реальность неисчерпаема, а мыслить – утомительный труд. И умение абстрагироваться служит удобством (коли не уступкой лени). Если бы дело обстояло иначе, никакие словари нам вообще были бы не нужны. Но ни один словарь не включает в себя целиком и полностью ни весь мир, ни даже один язык.

Попытайтесь дать полное и исчерпывающее описание, скажем, булыжника. Очень скоро, убедившись, что это невозможно, вы поймете, что такое абстракция. Это понятие, соответствующее своему объекту лишь при условии отказа вместить его целиком и даже найти с ним сходство. Это и будет понятие булыжника, и даже вот этого конкретного булыжника. Абстракция есть удел всякой законченной мысли, а для нас – ограниченность всякой мысли.

Всякая идея, даже истинная, абстрактна, ибо ни одна идея не походит на свой объект (Спиноза говорит: понятие собаки не лает, а идея круга не является круглой) и не может воспроизвести существующий вне ее предмет в его неисчерпаемой реальности. Степень абстрактности идеи бывает разной: цвет – понятие более абстрактное, чем красный цвет, но менее абстрактное, чем

внешний вид. Но главное, употребление абстракции может быть правильным и неправильным. Все зависит от того, приближает оно нас к реальности или удаляет от нее, раскрывает реальность или маскирует ее.

Есть еще такая вещь, как абстрактная живопись. Это живопись, отказывающаяся от изображения конкретных предметов. В самом этом отказе уже присутствует доля необходимости: воспроизведение всегда означает выбор, преображение, разделение, приближение, упрощение, одним словом – необходимость абстрагироваться. Всякое изображение хоть в чем-то абстрактно, но не вопреки своей изобразительности, а именно благодаря ей. Лишь отказывающаяся от изображения конкретных предметов живопись могла бы претендовать на звание конкретной – ведь ее ничто не отделяет от объекта имитации или воспроизведения. Что может быть конкретнее цветового пятна на холсте? И если такую живопись называют абстрактной, то лишь потому, что она производит впечатление отделенности от реального мира, что, разумеется, не более чем иллюзия; истина же в том, что подобная живопись составляет часть реального мира и действительно отказывается от его имитации. Таким образом, получается нечто вроде двойной абстракции, отделяющей живопись от любого внешнего объекта, оставляющей ее наедине с собой или с духом. Здесь, возможно, живопись уподобляется тому, как если бы какой-нибудь философ захотел вдруг нарисовать свою концепцию мира…

Абсурд (Absurde)

Не отсутствие смысла. Например, слово «затмение» ничего не означает, но ничего абсурдного в нем нет. И наоборот, то или иное высказывание может быть абсурдным лишь при условии, что оно что-то означает. Воспользуемся несколькими традиционными примерами. «На горе без долин, возле квадратного круга, бурно спали бесцветные зеленые мысли». Разве можно сказать, что это высказывание ничего не значит? Нет, потому что мы понимаем: в этих словах есть нечто не поддающееся осмыслению, нечто такое, что совершенно невозможно себе представить. Поэтому будем считать это высказывание абсурдным, в отличие от такого, например, с позволения сказать, высказывания: «Глокая куздра штеко будланула бокра» (9). Абсурд есть скорее нелепость, чем отсутствие точного значения. Не отсутствие смысла, а его инверсия, самоотрицание, саморазрушение, своего рода внутренний взрыв. Абсурдно то, что противоречит здравому смыслу или расхожей истине, т. е. противно

тривиальному разуму, логике или человечности. В этом – одна из причин того, что абсурд породил весьма своеобразную поэзию сюрреализма, одно время, несмотря на свой бредовый, с явной сумасшедшинкой характер, чаровавшую многих и многих. Тем же самым объясняется, почему абсурд играет главную роль в юморе особого рода, прискучившем незначительностью. Возьмем для примера такие фигуры, как Вуди Аллен (10) и Пьер Дак (11). То, что они говорят, не бессмыслица, а выражение парадоксального, внутренне противоречивого смысла, который невозможно полностью осмыслить и принять. «Вечность, – утверждает, например, Вуди Аллен, – это очень долго, особенно к концу». Притом, что как раз конца-то у вечности нет и быть не может. Или такое заявление Пьера Дака: «Есть три вечных вопроса, ответа на которые никто не знает. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? Что касается лично меня, то я всегда отвечаю на них так: “Я это я, я пришел из дома и сейчас возвращаюсь туда же”». Разве он ответил на «проклятые» вопросы? Вроде бы ответил, но… совершенно выхолостив их смысл. Абсурд не всегда сводим к юмору и далеко не всегда смешон, да и не всякий юмор построен на абсурде. Общее в абсурде и юморе – отрицание здравого смысла, трезвой рассудительности. И выглядит это порой смешно, а порой и страшно.

Абсурден ли мир? Он был бы абсурден, если бы имел смысл, отличный от нашего. Абсурд, считал Камю, рождается из сравнения двух и больше не сравнимых, взаимоотрицающих, антиномичных или противоречащих друг другу понятий, и «чем шире разрыв между членами сравнения, тем выше степень абсурда». И Камю приводит такой пример: «Если я вижу, как солдат с одной саблей или шашкой бросается на пулеметы, я скажу, что его действия абсурдны. Но они абсурдны лишь в силу диспропорции между его намерением и тем, что ждет его в реальности, абсурдны в силу очевидного противоречия между его реальными силами и поставленной им перед собой целью». Не существует абсурда как такового, абсурда в себе, т. е. абсолютного абсурда. «Абсурд по сути своей есть разлад. Ни в одном, ни в другом из сравниваемых элементов ничего абсурдного нет. Он рождается от их столкновения». Так что мир не абсурден. Как объясняет «Миф о Сизифе», абсурд заключается в «конфронтации человеческого зова и безмозглого молчания мира». Мир не имеет смысла, но это делает его абсурдным лишь для нас, ищущих смысл. Поэтому абсурд это «пункт отправления», а вовсе не «пункт прибытия». Для того, кто сумеет принять этот мир с его молчанием и безразличием, в его простой и чистой реальности, он перестанет быть абсурдным. Но не потому, что в нем отыщется какой-то смысл, а потому что отсутствие в нем смысла перестанет ощущаться как нехватка. В этом высшая мудрость повести Камю «Посторонний»: «Лишенный надежды, стоял я среди ночи, полной знаков и звезд, впервые открываясь нежному

безразличию мира. Ощущая его таким по-братски похожим на меня, я наконец-то почувствовал, как счастлив был раньше, как счастлив теперь…» Трудно лучше объяснить, что такое абсурд. Не отсутствие смысла, но крушение смысла, его нехватка. Тогда мудрость – это полное приятие, и не смысла, а своего присутствия в мире.

Абсурдна ли жизнь? Абсурдна, если искать в ней смысл, способный существовать лишь вне ее (смысл – отсутствие). Что означает вне жизни? Смерть. «Искать смысл жизни, – говорит Франсуа Жорж (12), – значит противоречить самой жизни». Действительно, это значит любить жизнь не ради самой жизни, а ради чего-то другого – некоего смысла жизни, тогда как, напротив, смысл жизни и предполагает жизнь. Если «жизнь должна быть самоцелью, – писал Монтень, – значит, понятия абсурда и осмысленности к ней не приложимы». Жизнь просто реальна, и в этой ее реальности – главное чудо. И она прекрасна – надо только любить ее.

Вот это-то и есть самое трудное: не биться над пониманием жизни как над решением трудной загадки, а принимать ее такой, какая она есть, – хрупкой и недолговечной, и принимать по возможности с радостью. Мудрость трагична, если это мудрость не смысла, а истины, не толкования, а любви и мужества.

Суть всего этого выразил Артюр Адамов (13): «Жизнь не абсурдна. Просто она трудная штука. Очень трудная».

Абсурд (Доказательство От Противного) (Absurde, Raisonnement Par L’-)

Рассуждение, доказывающее истинность того или иного утверждения путем показа явной ложности по крайней мере одного из следствий противоположного утверждения. Чтобы доказать, что нечто есть «р», строят гипотезу, что оно есть «не-р», а затем показывают, что эта гипотеза ведет к абсурду. В частности, таким образом Эпикур доказывал существование пустоты (р). Если бы не было пустоты (не-р), не было бы движения (телам было бы некуда передвигаться); между тем это следствие явно ложно (оно опровергается опытом); следовательно, пустота существует. Такой тип рассуждения, называемый также апогогическим, основывается, как мы видим, на принципе исключенного третьего (возможно лишь р или не-р; если утверждение ложно, то противное от

него истинно). Формально подобное рассуждение вполне надежно, но убедительным может быть лишь в случае, если понятия противного, ложного и следствия не содержат ошибки, а в философии такое случается редко. Доказательство Эпикура не убедило стоиков, как позже не смогло убедить и последователей Декарта.

Абсурд (Сведение К Абсурду) (Absurde, Reduction A L’-)

Своего рода отрицательная разновидность доказательства от противного и одновременно его начало. Сведение к абсурду доказывает ложность утверждения путем демонстрации ложности по крайней мере одного из его следствий, вскрывая его противоречивый или абсурдный характер. Сводить что-либо к абсурду значит следовать за оппонентом с целью его опровержения, вернее даже, идти за ним до самого конца, пока он сам себя не опровергнет.

Логически состоятельное, философской ценности подобное доказательство не представляет. И следствия, и абсурдность чего-либо всегда могут служить предметом спора.

Автаркия (Autarcie)

Греческое название независимости или самодостаточности (autarkeia). Античные мыслители видели в автаркии один из признаков мудреца. Что здесь главное – самодостаточность или независимость? Этимология слова (глагол arkein означает быть достаточным) подталкивает нас к первому толкованию, однако ошибкой было бы возводить его в абсолют. Автаркия – не аутизм; как по Аристотелю, так и по Эпикуру, мудрец предпочитает изоляции общество, а одиночеству – дружбу. Однако он способен обходиться и без того и без другого, и вообще без всего. Вот почему autarkeia – столь великое благо, а ее подлинным именем является свобода (Эпикур, «Ватиканское собрание изречений», 77; см. также Письмо к Менекею).

Автомат (Automate)

Способный сам себя приводить в движение. Отсюда идея самопроизвольности, поначалу служившая главным отличительным признаком автомата. Лейбниц, например, считал каждый живой организм «видом божественной машины или природного автомата», а душу – «духовным автоматом». Однако впоследствии идея самопроизвольности оказалась вытеснена идеей механистичности: автомат, даже если он способен сам себя приводить в движение, остается пленником своей сущности и заложником программы (пусть и включающей элементы случайности) и зависит от определенного и определяющего его движение соединения деталей. Автомат – не субъект, а машина, имитирующая субъективность. Остается выяснить, не являются ли субъекты машинами, не подозревающими о своем автоматизме? Мозг – это материальный автомат. И что тогда остается от Лейбница и души?

Автономия (Autonomie)

Повиновение закону, предписанному себе (Руссо), а следовательно, свобода.

Употреблением в философском контексте термин «автономия» в основном обязан Канту. Автономия – это власть над собой (свобода), осуществляемая посредством закона (nomos), который разум накладывает на себя и на нас и который является нравственным законом. Воля автономна, поясняет Кант, когда она подчинена только собственной юрисдикции (в качестве практического разума) и не детерминирована чувствами и аффектами, т. е. не зависима от тела, а также от собственного «я» как проявления частного и случайного, и даже от какой бы то ни было цели и какого бы то ни было объекта. Быть автономным значит подчиняться только чистой форме закона, иначе говоря, тому универсальному, что каждый из нас носит в себе и что и составляет наше «я» (вот почему мы говорим о свободе), но «я» разумное и суверенное (вот почему мы говорим об автономии).

При всей своей близости понятия автономии и свободы все же не являются полностью совпадающими. Человек, совершающий дурной поступок, действует свободно, но не автономно: он добровольно подчиняется той части себя, которая

не является свободной (своим инстинктам, страстям, слабостям, корыстным устремлениям и страхам). Отсюда нетрудно вывести, что же такое автономия. Это свобода творить добро, а быть автономным значит подчиняться только той части себя, которая является свободной и, по выражению Канта, «не связана ни с одним из объектов способности желать», которая не зависит от «своего дражайшего “я”», то есть от индивидуальных особенностей человека. Вот почему автономия является нравственным принципом. Эгоизм – это основа любого зла, а разум, не имеющий «эго», – основа любого добра. Поэтому единственное, что должен делать человек, это быть свободным, т. е. автономным – подчиняться своему долгу, который заключается в управлении собой.

Вне кантианского контекста термин «автономия» чаще всего означает некий идеал и указывает не на фактическое состояние, а на далекую цель. В этом случае автономию надо понимать как процесс, требующий усилий. Стремиться к автономии значит пытаться как можно полнее освободиться от всего того в себе, что не является свободным. Это доступно только разуму, как это показывает Спиноза (а также Маркс и Фрейд), и идея автономии только в этом случае обретает смысл: «Свободный человек, – пишет Спиноза, – это человек, руководимый в жизни исключительно разумом». Никогда и никому подобная автономия не дается в готовом виде – ее надо добывать трудом, причем постоянно. Автономии как таковой не существует, есть лишь не имеющий завершения процесс автономизации. Свободным не рождаются, свободным становятся.

Авторитаризм (Autoritarisme)

Злоупотребление властью, чаще всего основанное на наивном убеждении, что с помощью власти можно решить все проблемы. Поклонник авторитаризма слишком рассчитывает на покорность, которая необходима, но далеко не достаточна.

Авторитет (Autorite)

Законная или признанная власть, а также добродетель, позволяющая эту власть осуществлять. Авторитет – право приказывать другим людям и искусство заставлять их слушаться приказов.

Авторитет (Апелляция К Авторитету) (Autorite, Argument D’ —)

Мнение авторитетного лица (власти, традиции, признанного или почитаемого автора), используемое как аргумент в споре. Прибегающий к подобной аргументации спорщик совершает двойную «провинность» – против разума, который не нуждается ни в каких авторитетах, и против авторитета, который заслуживает лучших аргументов. Если бы папа римский рассчитывал только на силу убеждения, разве понадобился бы ему догмат о собственной непогрешимости? А если этот догмат нас все равно не убеждает, то зачем он нужен?

Авторитет заслуживает подчинения, но не слепой веры. Поэтому аргументация, основанная на авторитетном мнении, не имеет ценности. Если разум готов демонстрировать покорность, что в нем остается от разума?

Агапэ (Agape)

Греческое слово, означающее христианскую любовь-милосердие. Агапэ – любовь, которая все отдает и ничего не ждет взамен – ни ответной любви, ни даже надежды на ответную любовь. Это чистая любовь, то есть любовь в чистом виде. Она основывается не на ценности предмета любви (в отличие от Eros’a), но сама придает ему ценность. Агапэ – это любовь к своему предмету не потому, что он хорош; он становится хорошим потому, что становится предметом этой любви. Она не связана с субъективной радостью (в отличие от Philia), но сама создает радость. Агапэ – это любовь к своему предмету не потому, что ей радостно; ей радостно потому, что есть предмет любви. Вот почему агапэ– универсальная и бескорыстная любовь, любовь, свободная от «эго» и эгоизма. Если Бог существует, то именно такова любовь Бога («Бог есть любовь», – говорит св. Иоанн). Если Бога нет, агапэ – это то, что более всего походит на Бога. Весьма

сомнительно, чтобы люди были способны на такую любовь, но, даже если она существует только в виде мечты или идеала, этот идеал говорит сам за себя, ибо указывает путь к безмерной, как говорит бл. Августин, свободной от привязанности, как говорит Паскаль, наконец, свободной от принадлежности к кому-либо, как говорит Бобен (14), любви. В общем-то это почти беспредметная любовь – любовь, свободная от себя и всего остального.

Агностицизм (Agnosticisme)

Мы не знаем, есть Бог или нет, – мы не можем этого знать. Именно поэтому существует вера и атеизм – два вида убеждений. По этой же самой причине существует и агностицизм, отвергающий веру в то, чего не знаешь. Вполне достойная позиция, в основе которой, на первый взгляд, лежит здравый смысл. Действительно, о каком выборе может идти речь, если толком не знаешь, что выбираешь? И тем не менее эта видимость разумного подхода обманчива. Если бы мы знали наверняка, есть ли Бог, вопрос выбора вообще не стоял бы. Но разве может человек жить без убеждений?

В переводе с древнегреческого agnostos означает «неизвестный» или «непознаваемый». Быть агностиком значит принимать эту неизвестность всерьез и не пытаться из нее выбраться. Агностик просто признает, что не знает, и на этом ставит точку. Несмотря на достаточно большой смысловой потенциал, слово «агностицизм» употребляется исключительно в религиозном контексте. Если Бог абсолютно непознаваем, а смерть полностью непознаваема, то агностик воздерживается от высказываний в адрес и того и другой. Он предпочитает оставить вопрос открытым, очевидно полагая, что смерть его «закроет» или, по меньшей мере, осветит. Слабое место агностицизма вытекает из его очевидности. Агностицизм – крайне ограниченное учение именно в силу того, что оно само не ставит перед собой никаких границ. Раз никто точно не знает, есть ли Бог, значит, мы все вроде бы должны быть агностиками. Но тогда признание в собственном невежестве перестанет быть отличительной чертой агностицизма и превратится в одну из характеристик человеческого рода как такового. Что же тогда останется от агностицизма? Выходит, он существует только благодаря тому, что существует что-то другое, от чего он отличается. Быть агностиком значит не столько признаваться в незнании (это признают также многие атеисты и верующие), сколько цепляться за это незнание. Но как убедиться, что эта точка зрения самая правильная, если за ней нет гарантии

знания? Значит, в нее надо верить. Вот почему агностицизм это тоже разновидность веры, только веры негативной – веры в собственное неверие.

Агония (Agonie)

По-гречески agonia значит «страх», agon – «битва». Агония и есть битва – последняя безнадежная битва за жизнь со смертью. Почти все люди испытывают перед ней страх, и только мудрецы принимают как должное. Единственным победным исходом этой битвы мог бы стать покой, и счастливы те, кто сумел познать его еще при жизни. Стоит ли бороться до конца только ради того, чтобы умереть вооруженным до зубов? Уж лучше оставить жизнь – когда она тебя оставляет – с тихим достоинством. И спасибо врачам, которые в решающий момент приходят к нам на помощь.

Агора (Agora)

Городская площадь в Греции, в частности в Афинах. На такой площади философствовал Сократ. Но агора являла собой прежде всего центр общественной и политической жизни, поэтому в расширительном значении агорой иногда называют спор или дискуссию, протекающую в демократической обстановке. Помню, на каком-то коллоквиуме один из коллег с упреком спросил меня, почему я «дезертировал с агоры» (я провинился только в том, что затронул старую как мир тему мудрости, вместо того чтобы присоединиться к обсуждению злободневного сюжета). Не прошло и нескольких секунд, как тот же самый коллега бросил мне еще один упрек – в том, что я, по его мнению, «популярный мыслитель», потому что он как-то видел меня по телевидению. Что ему ответить? Что телевидение в наше время – это та же агора (или ее часть) и что нет никакого противоречия между тем, чтобы в качестве философа заниматься поисками мудрости, и тем, чтобы в качестве гражданина выступать за справедливость? Сократ, хоть и выступал на городской площади, никогда бы не спутал философское сочинение с избирательным бюллетенем…

Агрессивность (Agressivite)

Предрасположенность к физическому или словесному насилию, сопровождаемая склонностью напасть первым. Агрессивность – одновременно и сила, и слабость. Можно сказать, что это сила слабых Именно они полагают, что лучшая оборона – это нападение. В этом они конечно, правы. Но стоит задуматься: почему же им все время приходится обороняться?

Ад (Enfer)

Место величайших страданий. Религия часто называет адом кару, которая после смерти ожидает нечестивцев. Материалисты, для которых смерть – ничто, рассматривают его скорее как метафору. «Именно в этом мире, – пишет Лукреций (15), – жизнь дураков становится настоящим адом». Увы, не только дураков. И избавляет от этого ада не ум, а смерть.

Адаптация (Adaptation)

Изменение того, что поддается изменению, при столкновении с тем, что изменению не поддается. Например, учит Декарт, легче изменить свои желания, чем существующий миропорядок. Умный марксист сказал бы, что легче изменить общество, чем человеческую природу.

Вот почему жизнь есть адаптация к закону реальной действительности, который гласит: изменение или смерть.

Адекватность (Adequation)

Полное или предположительно полное соответствие между двумя сущностями, в частности соответствие между идеей и ее предметом. Это соответствие во многом остается загадкой, поскольку речь идет о двух различных сущностях, не поддающихся абсолютно надежной проверке. Единственным способом могло бы стать сравнение предмета и его идеи, но, к сожалению, и то и другое известно нам исключительно в виде идей, которые мы генерируем о них.

Фома Аквинский (16) вслед за Авиценной (17) и Аверроэсом (18) дал определение истины как адекватного соответствия между вещью и интеллектом (adequatio rei et intellectus). Но возможным это соответствие делает то же, что вызывает его необходимость, потому что вещь и ее понимание две разные сущности. Адекватность – отнюдь не сходство. Идея круга не круглая, а идея собаки не лает, иначе говоря, в этих идеях нет ничего похожего на собаку или круг. Но, оставаясь в области мышления, эти идеи сообщают нам истину, неведомую ни кругу, ни собаке. «Под адекватной идеей, – пишет Спиноза, – я разумею такую идею, которая, будучи рассматриваема сама в себе, без отношения к объекту, имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи». Иначе невозможно было бы узнать, истинна ли она (поскольку сравнить ее с объектом можно лишь при условии, что он находится в нас, а это не так), и именно поэтому абсолютная истина непознаваема. Тем не менее, продолжает Спиноза, «истинная идея должна быть согласна со своим объектом». Вот это соответствие, или адекватность, и есть подлинная загадка мышления. Вселенная адекватна математике или математика адекватна Вселенной?

Разгадкой этой тайны мог бы быть только Бог. Но, несмотря на все усилия Спинозы, мы так и не имеем о нем адекватного представления.

Академизм (Academisme)

Чрезмерно строгое подчинение правилам школы или традиции в ущерб свободе, оригинальности, изобретательности, смелости. Склонность перенимать у учителей прежде всего то, что действительно легко поддается подражанию (учение, манеру поведения, причуды), а не то, что на самом деле важно, но подражать чему гораздо труднее. В стиле письма – чрезмерное увлечение научным, «профессорским» стилем. Академизм – стремление больше общаться с коллегами, чем с широкой публикой. Оно редко приносит ожидаемые плоды.

Коллеги, они же соперники, испытывают от академизма такую же скуку, как и все остальные, зато ненавидеть умеют гораздо сильнее.

Академики (Academiciens)

Члены академии, в том числе знаменитой Академии Платона и его учеников. В философском языке XVI–XVII веков слово обозначает одно из течений скептицизма, к которому принадлежали Аркесилай, Карнеад и Клитомах, именовавшие свою школу Новой Академией. По словам Монтеня, они «потеряли надежду найти искомое и пришли к выводу, что постичь истину нашими средствами невозможно». Чем они отличались от пирроников? Двумя вещами. Как объясняет тот же Монтень, академики утверждают неопределенность всего, тогда как Пиррон не утверждает ничего; академики признают, что есть вещи более или менее вероятные, тогда как Пиррон не признает ничего. Скепсис академиков носит одновременно и более крайний, и более умеренный характер, являя собой нечто вроде догматического скептицизма («незнание, которое знает, что оно не знает, или претендует на подобное знание»). Его логическим продолжением должен стать скептический догматизм (догматизм вероятного). Позиция сторонников Пиррона противоположна и являет собой скептический скепсис («незнание, которое не знает, знает ли оно или не знает»), приводящий лишь к сомнению или молчанию.

Академический (Academique)

Свойственный школе или университету. Чаще всего употребляется в негативном смысле («академический стиль»). Приблизительно синонимичен понятию «школьный» (плюс высокие претензии) или «схоластический» (минус теология).

Академия (Academie)

Имя собственное, первоначально обозначавшее школу Платона (он учил в садах, расположенных на северо-западе Афин и называвшихся Akademos). Вопреки направлению своего основателя, Академия впоследствии стала очагом скептицизма. Возможно, это знаменовало попытку отхода от идей Платона ради возвращения к мудрости Сократа.

Академией в широком смысле называют любое объединение людей ученых или просто знающих, равно как и людей, считающих себя таковыми.

Акосмизм (Acosmisme)

Слово, образованное по той же модели, что и «атеизм», и означающее «неверие в существование мира», то есть космоса. Гегель приписывает акосмизм Спинозе, полагая, что тот верит только в Бога («Энциклопедия философских наук», I, § 50). Утверждение, конечно, нелепое. Если Бог и Природа – одно и то же, значит, природа существует. И мир тоже существует, независимо от того, как его определять: как бесконечную совокупность конечных модусов (порожденная природа) или как бесконечный опосредствованный модус атрибута протяженности (facies totius universi; Письмо LXIV). Мир – не Бог (ибо мир существует в Боге и является результатом его творения), но он и не ничто. Учение Спинозы – не атеизм и не космизм. Реальность мира с необходимостью вытекает из могущества Бога или природы («Этика», часть I, теорема 16) и подразумевает его (I, 15 и доказательство). Спиноза выразил все это еще проще: «Чем больше познаем мы единичные вещи, тем больше познаем Бога» (V, 24).

Акроаматический (Acroamatique)

Научный синоним эзотерического. Термин связан с именем Аристотеля. Свои акроаматические сочинения Аристотель адресовал ученикам, в отличие от трудов экзотерических, обращенных к более широкой аудитории и сегодня почти полностью утраченных. Чтение первых позволяет нам составить представление о том, насколько высок был уровень подготовки учеников Аристотеля, и одновременно заставляет горько сожалеть об утрате вторых,

вызывавших такое восхищение современников мыслителя.

Аксиология (Axiologie)

Учение о ценностях и изучение ценностей. Аксиология может быть объективной (если рассматривает ценности как факты) или нормативной (если признает их в качестве ценностей). Вторая вытекает из первой, но первая имеет значение только в сочетании со второй.

Аксиома (Axiome)

Недоказуемое положение, служащее для доказательства других положений. Являются ли аксиомы истинными? Долгое время считалось, что являются. По мнению Спинозы или Канта, аксиома – это истина, очевидность которой ясна без доказательств, а потому и не нуждается в них. Современные математики и логики склонны рассматривать аксиомы как чистые конвенции или гипотезы, которые не могут быть очевидными истинами. Отныне истина заключается не в самих положениях (если аксиома не есть истина, ни одна теорема не может быть истинной), а в объединяющих их отношениях импликации или дедукции. Следовательно, аксиом в традиционном понимании термина не существует, есть лишь постулаты (Постулат). Но и это заявление – постулат, а не аксиома.

Аксиоматика (Axiomatique)

Совокупность аксиом, а иногда, в широком смысле, и совокупность выводов, которые можно сделать из этих аксиом, не прибегая к эмпирическим данным. Аксиоматика есть формальная гипотетико-дедуктивная система. Математика, например, являет собой пример аксиоматики, вернее, нескольких аксиоматик, и не случайно математику подразделяют на отдельные дисциплины. А как с логикой? Если бы логика сводилась только к аксиоматике, она не могла бы претендовать на истинность. Что тогда осталось бы от наших истин?

Факт, что ценность аксиоматики прямо пропорциональна ее разумности, еще не позволяет нам рассматривать сам разум как один из видов аксиоматики и принимать какую-либо аксиоматику за разум.

Акт (Acte)

Нечто сделанное (латинское actum происходит от глагола agere – делать). В психологии и этике акт – синоним действия, хотя бывают и непроизвольные акты (оговорка, тик, ошибочное действие). В этом смысле акт как нечто сделанное противостоит данному в ощущениях или являющемуся результатом воздействия. С точки зрения онтологии акт противостоит потенции, как реальное (сделанное) противостоит возможному (тому, что может быть сделано). «Акт, – говорит Аристотель, – это факт, доказывающий, что данная вещь существует в реальности». Например, статуя существует в потенции до тех пор, пока пребывает в виде мрамора, и актуализируется, как только скульптор завершит работу над ней.

Разумеется, оба понятия относительны. Дуб пребывает в желуде, существующем актуально, в виде потенции, но и желудь в свою очередь пребывает в актуальном дубе в виде потенции. Но и мрамор актуален (как нечто реальное, исполненное, завершенное) – как до своего превращения в статую, так и после него. Тем не менее первичен именно акт, и в этом Аристотель совершенно прав: не реальное рождается из возможного, а возможное из реального.

Впрочем, в настоящем и акт, и потенция слиты воедино: здесь и сейчас возможно только то, что есть на самом деле. Это и есть бытие как потенция в действии (energeia, conatus).

Активность (Activisme)

Преувеличенная вера в действие и его возможности. Обычно активному действию противопоставляют теоретизирование. Есть ли способ преодолеть недостатки того и другого? Есть. Это осмысленное и продуманное действие –

мышление в действии.

Актуализм (Actualisme)

Учение, согласно которому все сущее существует актуально, то есть в действительности. Значит ли это, что возможное не существует? Вовсе нет. Дело в том, что в настоящем возможное и реальное суть одно и то же. Видами актуализма являются учение стоицизма и учение Спинозы, и это, на мой взгляд, самое ценное в обеих школах. Нет бытия в потенции, есть лишь потенция бытия и его постоянный переход в действие, то есть в акт, который мы и называем миром или становлением.

Акцидент (Accident)

То, что случается с кем-то или с чем-то (от латинского accidere – «падать на что-либо»). Акцидент как случающееся следует отличать от субъекта (субстанции), с которым он случается, сущности, без которой субъект не может существовать, наконец, от специфических или постоянных свойств, присутствующих в субъекте всегда, а не возникающих в результате случайности. Например, тот факт, что человек сидит, это акцидент (он мог бы лежать или стоять и при этом оставаться человеком). То, что он человек, – это его сущность. То, что он наделен разумом, способен заниматься политикой или смеяться, – его свойства.

Вот почему Эпикур говорит, что время есть акцидент акцидентов – ведь все, что случается (например, факт сидения), имеет некую продолжительность во времени. И наоборот, настоящее есть свойство бытия, как бытие есть сущность настоящего.

Из этого вытекает, что все в мире акцидентально, в том числе свойства, сущности, субстанции, поскольку все это имеет место во времени. Бытие случайно, становление необходимо – значит, существует только история.

Алетейа (Aletheia)

В переводе с древнегреческого – «истина». С легкой руки Хайдеггера понятие aletheia принято противопоставлять понятию veritas – его латинскому аналогу, широко используемому в работах схоластов. Aletheia принадлежит бытию; это приоткрывание покрова бытия или самое бытие, лишенное покрова тайны. Veritas принадлежит духу или дискурсу; это соответствие, совпадение, адекватность между мышлением и реальностью. Различение двух этих понятий и удобно, и вполне законно. Впрочем, следует отметить, что ни греки, ни римляне его не проводили, во всяком случае в указанном смысле. И, если мы такое различие проводим, это не значит, что нам вольно выбрать одно из них, отбросив другое, – они отсылают друг к другу. Что мы могли бы узнать о бытии, если бы в наших мыслях не было ему соответствия? И какой смысл был бы рассуждать о том, адекватна идея реальности или нет, если бы само бытие изначально не было адекватно самому себе? Вот почему первоосновой истины, возможно, служит тождество: «Одно и то же есть, – говорит Парменид (19), – мысль и бытие». Истина, понимаемая и как aletheia, и как veritas, и есть тождество между тем, что представляется уму (veritas), и тем, что существует в мире (aletheia). Но, хотя эти два понятия тесно и даже неразрывно связаны между собой (veritas предполагает наличие aletheia и в то же время позволяет ее осмыслить), различие между ними носит принципиальный характер. Aletheia – это истина представления; veritas – истина понятия. Таким образом, первична aletheia, но осмыслить ее можно только посредством veritas. Veritas существует в нас, но лишь благодаря тому, что мы сами существуем в aletheia. Истина доступна нам только потому, что мы существуем в истинном мире, а дух способен осознать себя, только открываясь миру.

Аллегория (Allegorie)

Выражение какой-либо идеи через образ или устный рассказ. Аллегория обратна абстракции; это своего рода мысль, обретшая плоть. С философской точки зрения аллегория не может служить доказательством чему бы то ни было. И, если не считать Платона, ни один философ не сумел использовать аллегорию, чтобы не показаться при этом смешным.

Алфавит (Alphabet)

Буквы, выстроенные в случайном или продиктованным обычаем порядке. Алфавитный порядок – такой же хаос, как любой другой, но его выгодное отличие от прочих хаотических систем заключается в том, что видимость порядка в алфавите сведена к наиболее простой форме и не претендует на осмысленность. Алфавит не несет никакой информации, и в этом его заслуга. Например, книга, которую вы сейчас держите в руках, может быть адекватна своему предмету только в том случае, если она будет прочитана в хаотическом порядке, то есть в таком порядке, в каком существуют мир и истина. Словарь – нечто противоположное системе и гораздо более ценное.

Альтернатива (Alternative)

Вынужденный выбор одного из двух терминов при невозможности принять или отклонить сразу оба. Пример альтернативы: быть или не быть. Альтернатива – такой выбор, при котором отсутствует возможность сделать выбор в пользу или против выбора.

Понятие альтернативы употребляется, в частности, в логике, когда речь идет о двух суждениях, одно из которых обязательно истинно, а второе – обязательно ложно. Эта операция носит название исключающей дизъюнкции: p или q, но не p и q. Иногда принцип, согласно которому два взаимоисключающих суждения всегда подразумевают выбор в пользу одного из них, называют «принципом альтернативы». На самом деле это, конечно, никакой не самостоятельный принцип, а конъюнкция (соединение) двух принципов: принципа непротиворечивости (p и не-p) и принципа исключенного третьего (p или не-p). Оба взаимоисключающих суждения не могут быть одновременно истинными (принцип непротиворечивости) и ложными (принцип третьего исключенного). Следовательно, одно из них с необходимостью истинно, а второе – ложно (это и есть «принцип альтернативы»). Впрочем, следует отметить, что это справедливо только в отношении логических суждений. Дискурс, не являющийся ни истинным, ни ложным (например, молитва), не имеет альтернативы. Дело в том, что он вообще не подчиняется логике, как и логика не подчиняется ему.

Альтруизм (Altruisme)

Огюст Конт (20) называл альтруизм «жизнью ради других». Значит, быть альтруистом – это руководствоваться в жизни не своими интересами, а интересами другого человека (других людей). На самом деле такого почти не бывает. Даже стремление в равной мере учитывать свои и чужие интересы уже сопряжено с огромными трудностями. Итак, альтруизм есть качество, обратное эгоизму, и именно поэтому альтруисты столь редки. Но действительно ли альтруизм и эгоизм суть антагонисты? Может, альтруизм – тот же эгоизм, только, так сказать, замаскированный? Один мой приятель как-то говорил мне: «Вот, например, известные деятели благотворительности сестра Эмманюэль и аббат Пьер. Они делают добрые дела, но ведь сами получают от этого удовольствие! Значит, их альтруизм – просто иная форма эгоизма». Допустим. Но это рассуждение ни в коей мере не может служить опровержением альтруизма. Если человек находит удовольствие в том, чтобы доставлять удовольствие другим, то это не просто говорит в пользу существования такого явления, как альтруизм, но и может быть использовано в качестве его определения. При этом не нарушаются ни принцип удовольствия, ни принцип эгоизма. Просто есть люди, которые замыкаются в этих двух принципах, и есть другие, которые, не порывая с ними, ищут и находят ключ к свободе. «Любить, – говорит Лейбниц, – значит радоваться счастью другого». Вот это и есть подлинный альтруизм, так сказать, альтруизм в чистом виде. Речь ведь идет не о том, чтобы преодолеть собственное «эго», а о том, чтобы пробить в нем брешь или, как говорится в книге «Праджняпарамита-сутры» (21), стать подобным «кругу столь обширному, что он уже ничего не может окружить; это круг с бесконечным радиусом, с окружностью, обращенной в прямую линию».

Слово «альтруизм», предложенное Огюстом Контом, многих смущает своей абстракцией, своей «теоретической» видимостью. Ошибкой было бы видеть в альтруизме инстинкт или систему. На самом деле стремление принимать в расчет, наряду с собственными или в ущерб им, чужие интересы требует усилий и в зависимости от ситуации сопровождается радостью или печалью. Альтруизм требует щедрости, сострадания и любви, то есть двух добродетелей и одной милости. Вот без них альтруизм действительно превращается в голую абстракцию. Это фальшивый альтруизм, то есть не альтруизм.

Амбивалентность (Ambivalence)

Сосуществование в одном и том же человеке и в его отношении к одному и тому же предмету двух различных аффектов – удовольствия и страдания, любви и ненависти (см., например, Спиноза, «Этика», III, 17 и схолия), тяги и отвращения. Амбивалентность – не только не исключительное явление, но скорее правило нашей эмоциональной жизни, как двусмысленность – правило человеческого общения. Исключением в обоих случаях служит простота.

Отметим, что, хотя амбивалентность касается только наших чувств, она не исключает необходимости уважать законы логики, имеющие отношение к мышлению. Например, бессознательное, как учит Фрейд, «не подчиняется принципу непротиворечивости», но психоаналитик ему подчиняться обязан. Иначе амбивалентность превращается в бред или очередной симптом.

Аморальный (Amoral)

В строгом смысле слова «а-моральный» означает «лишенный морали», то есть не имеющий к морали никакого отношения. Так, можно назвать аморальной природу, имея в виду ее полное безразличие к категориям добра и зла. В этом смысле аморальны и дождь, и солнце, и молния.

В этом различие между аморальным и безнравственным. Безнравственно то, что выступает против морали. Из этого следует, что безнравственный человек все же имеет представление о морали, во всяком случае должен его иметь. Возьмем, например, такие явления, как насилие, пытки или расизм. Складывается впечатление, что безнравственность – свойство человека. Тогда аморальность – свойство истины.

Анализ (Analyse)

Подвергать что-либо анализу значит разнимать целое на составляющие его части или элементы, что обычно подразумевает разъединение или отделение этих частей или элементов друг от друга, во всяком случае на какое-то время и если не физически, то «в уме». Следовательно, анализ является противоположностью (но одновременно и условием) синтеза как воссоединения разрозненных элементов. Так, можно подвергнуть анализу какое-либо тело (выделить из него составляющие физические или химические элементы), какую-либо сложную идею (разложить ее на сумму более простых идей), какое-либо общество (социологический анализ позволяет различить в обществе отдельные классы или слои), того или иного индивидуума (этим занимается психологический анализ или, коротко, психоанализ), проблему, произведение искусства, сон – одним словом, все что угодно, за исключением абсолютно простого, если таковое существует. Декарт сделал анализ основой своего метода: «Делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить» («Рассуждение о методе…», Часть вторая). Таким образом, анализ – это стремление свести сложное к простому для лучшего его понимания. Вполне законное и необходимое стремление, если только оно не заставляет забыть о сложности целого. Об этом напоминает нам Паскаль (в высказывании, которое особенно охотно цитирует Эдгар Морен (22): «Поскольку каждая вещь имеет причину и в свою очередь служит чему-то причиной, пользуется чьей-то помощью и сама чему-то помогает, является и непосредственно собой и опосредованной чем-либо еще и поскольку все вещи соединены между собой естественной и невидимой нитью, связующей даже самые отдаленные и самые разные из них, я считаю невозможным познание частей без знания целого, как и познание целого без знания частей». Но не стоит торопиться с выводом о столкновении Паскаля с Декартом. Тот факт, что все кругом взаимосвязано, как подчеркивает тот же Эдгар Морен, говорит не о невозможности анализа, а напротив, о его необходимости и бесконечности.

Аналитические Суждения (Analytiques, Jugements -)

Суждение является аналитическим, утверждает Кант, когда предикат содержится в субъекте, в том числе в скрытой, или имплицитной, форме, и, следовательно, может быть выделен из него с помощью анализа. Например, суждение «Все тела имеют протяженность» (понятие протяженности включено в понятие тела – тело без протяженности есть противоречивое понятие).

Аналитические суждения, основанные на принципе тождества, всегда носят пояснительный характер. Они, подчеркивает Кант, «не расширяют наших познаний», а лишь развивают или объясняют наши представления. Но если наши знания все-таки расширяются, что не подлежит сомнению, значит, существуют и другие суждения – те, которые Кант называет синтетическими (Синтетические суждения).

Аналогия (Analogie)

Тождество отношений (например, в математике: a/b = c/d) или функциональная либо позиционная равнозначность (основанная не на равенстве членов, а на месте члена в множестве или выполняемой им функции). Так, когда Платон пишет, что бытие по отношению к становлению есть то же, что ум по отношению к мнению; когда Эпикур сравнивает атомы с буквами алфавита; когда Мен де Биран (23) утверждает, что «Бог для человеческой души является тем же, чем душа является для тела», все они прибегают к аналогии. В философии аналогия часто служит способом осмысления того, что не поддается осмыслению или, по меньшей мере, попыткой такого осмысления. Обойтись без аналогии трудно, довольствоваться же ею нельзя.

Отличное определение аналогии дает Кант: «Познание по аналогии не означает, как обычно понимают это слово, несовершенного сходства двух вещей, а означает совершенное сходство двух отношений между совершенно не сходными вещами» («Пролегомены», § 58). Но главная его заслуга в том, что он разделяет математическую и философскую аналогию. Первая выражает «равенство двух отношений величины», так что если даны три члена (12/3 = 8/x), то тем самым дан и четвертый (следовательно, аналогия носит характер определителя). Напротив, в философии, а также в физике «аналогия есть равенство двух не количественных, а качественных отношений, в котором я по трем данным члена могу познать и вывести a priori только отношение к четвертому члену, а не самый этот четвертый член» («Критика чистого разума», «Аналитика основоположений», глава вторая, раздел третий). Аналогии опыта, являющиеся a priori принципами рассудка, соответствующими категориям отношения, имеют значение лишь в качестве регулятора. На их основе нельзя узнать, что собой представляет четвертый член (вот почему невозможно заниматься физикой a priori), однако имеется «правило, по которому могу искать его в опыте» (поэтому в физике как науке обязательно присутствует некоторая

доля априорного знания). Всего аналогий насчитывается три, и они соответствуют трем временным модальностям – постоянству, последовательности и одновременности, а также трем категориям отношения – принципу постоянства субстанции; временно?й последовательности, подчиняющейся закону каузальности; наконец, принципу взаимодействия. Эти аналогии имеют значение только для опыта, который и становится возможным благодаря тому, что они создают «представление о необходимой связи ощущений». Но заменить опыт аналогии не могут.

В метафизике аналогия тем более не может служить доказательством. Разумеется, мне ничего не стоит представить себе вселенную в виде часов, которые заводит Бог-часовщик, но эта аналогия отнюдь не доказывает, что Бог существует, и ничего не говорит о том, что же такое Бог (И. Кант «Религия в пределах только разума», часть вторая, раздел первый, примечание). Осмыслить идею Бога можно только по аналогии (Бог-ремесленник, Бог-Всевышний, Бог-Отец и т. д.). Это осуждает нас на антропоморфизм, от которого не свободен даже атеист (чтобы не верить в Бога, приходится волей-неволей допустить его идею). Но, поясняет Кант, этот антропоморфизм должен быть символическим, а не догматическим, позволяя говорить о том, что такое Бог в нашем понимании, но не о том, что такое Бог в себе и существует ли он вообще («Пролегомены…», § 57).

Анархизм (Anarchisme)

Учение тех из анархистов, которые придерживаются какого-либо учения, например Прудона, Бакунина или Кропоткина. Анархизм всегда провозглашает уничтожение государства, почти всегда – уничтожение религии («Ни Бог, ни царь»), наконец, очень часто – уничтожение частной собственности. Поэтому анархизм является левым течением. Впрочем, бывают и правые анархисты (некоторые из них провозглашают себя сторонниками индивидуализма Штирнера (24)), и даже анархо-капиталисты (так, в США существует движение ультралибералов, являющее собой экстремистскую форму либерализма). Разделять идеи анархизма означает превыше всего на свете ставить свободу. Но разве может быть свобода без силы, без принуждения, без установленного и поддерживаемого порядка? Разве может свобода заменить право, равенство и справедливость? Анархия могла бы быть идеальным строем для ангелов, что заставляет заподозрить ее сторонников либо в глупости («Тот, кто пытается

подражать ангелам, быстро превращается в зверя», – говорит Паскаль), либо в наивности.

Анархия (Anarchie)

Отсутствие власти или беспорядок. Само двойное значение этого слова служит красноречивым определением того, что такое порядок (невозможный без покорности власти) и свобода (невозможная без принуждения). «Всякая власть имеет военную природу», – утверждает Ален. Вот почему анархисты так ненавидят армию, а военные – анархию. Демократы с недоверием относятся и к тем и к другим – они слишком хорошо знают, что всякий беспорядок в конце концов слагается в пользу силы, а любая сила терпима лишь на службе справедливости и свободы.

Слово «анархия» чаще всего употребляется с уничижительным оттенком. Именно так относился к анархии Гете, отдававший предпочтение несправедливости перед беспорядком. Только сами анархисты видят в анархии идеал и полагают, что он вполне достижим. Но думать так значит серьезно ошибаться в природе человека или питать надежду ее переделать. Поэтому анархизм может быть либо заблуждением, либо утопией. Справедливость без силы – не более чем мечта. Эта мечта и называется анархией. Сила без справедливости – это реальность с войнами, рынком и тиранией сильнейших или самых богатых. Между тем обе модели могут основываться на одном и том же отрицании государственности, права, республиканского строя (то есть порядка, установленного демократическим путем). Этим объясняется, почему так часто молодые анархисты, постарев, легко превращаются в либералов.

Ангажированность (Engagement)

Посвящение своей деятельности или себя лично делу, которое полагают справедливым. Этим словом по большей части пользуются интеллигенты, есть даже особое выражение – «ангажированный интеллигент». При этом они рискуют подчинить свой образ мыслей необходимости, навязанной делом,

притом что он должен подчиняться только истине или хотя бы тому, что они считают истиной. На мой взгляд, большего доверия заслуживает интеллигент с гражданской позицией. Разумеется, без ответственности, накладываемой участием, которое он, в меру своей компетенции, принимает в общественных спорах, не может быть интеллигента. Однако это участие совсем не обязательно должно заставлять его подчинять свой образ мыслей делу, которое существует и помимо него. Добросовестность важнее веры во что бы то ни было. Свобода духа важнее ангажированности.

В фильме про Астерикса древние римляне призывали: «Вступайте под наши знамена!» – это пример стремления ангажировать окружающих. В слове «ангажированный» присутствует тот же военизированный оттенок. Всякая ангажированность предполагает покорность. Но мысль не приемлет покорности кому бы то ни было. Вполне достаточно, дорогие коллеги, если мы будем действовать заодно с другими. Но мы не имеем права заставлять себя думать так, чтобы доставить удовольствие этим другим или чтобы доказать их правоту.

Ангел (Ange)

«Существо – посредник между божеством и нами», по определению Вольтера. Иначе говоря, ангел – это посланник Бога (по-гречески angelos и значит посланник). Странно только одно: зачем Богу посредники?

Анимизм (Animisme)

В узком смысле учение, объясняющее жизнь присутствием в каждом организме души. Тем самым анимизм противостоит материализму (объясняющему жизнь существованием неодушевленной материи) и отличается от витализма (который вообще отказывается ее объяснять).

В более широком смысле анимизмом называют стремление во всем видеть душу (anima) или дух (animus) – даже в тех существах, которые, на первый взгляд, лишены способности чувствовать: в деревьях, в огне, в реке, в звездах и т. д.

Анимизм – самое первое суеверие и, возможно, принцип, на котором строятся все остальные. Но, например, Огюст Конт считал анимизм необходимым началом умственной деятельности. Прежде чем познавать, надо уверовать. А что может быть легче веры в дух – основу любой веры?

Огюст Конт, впрочем, предпочитает термин фетишизм, которому мы сегодня придаем совсем другое значение. Он полагает фетишизм первой стадией религиозного сознания, одновременно и более непосредственной и более логичной, чем две остальные (политеизм и монотеизм). «Рассматривать все внешние тела, независимо от того, являются ли они естественными или искусственными, как одушевленные и в основном имеющие жизнь, аналогичную нашей», как он утверждает, конечно, заблуждение, но вместе с тем это заблуждение помогает сделать первый шаг к пониманию реальной действительности. Лучше уж ошибиться, изучая этот мир, чем изобретать какой-нибудь другой. С духами разобраться все-таки проще, чем с богами.

Или тогда уж надо признать, что боги окончательно покинули нас – как боги Эпикура или Бог Симоны Вейль (25) – и оставили мир во власти бездушной материи. Мир, по выражению Алена, глухой к молитвам и чуткий к творениям рук человеческих. Противоположностью анимизма, как и любой другой религии, являются труд, познание и действие.

Аномия (Anomie)

Отсутствие законов или организации. Дюркгейм (26) понимает под аномией вид социального расстройства, в результате которого нарушаются или рушатся социальные связи («органическая солидарность общества»). Индивидуум оказывается предоставленным самому себе, без законов, без ориентиров, как принято говорить сегодня, без ограничителей и подстраховки. Все это обрекает его на страх, отчаянные действия, насилие – или на самоубийство.

Антиматерия (Antimatiere)

Термин, употребляемый в физике для обозначения так называемых античастиц, имеющих симметричные характеристики (ту же массу и противоположный электрический заряд) по отношению к частицам, составляющим обычную материю – ту, которая нас окружает и из которой мы сами состоим. В философском смысле антиматерия не может быть ничем иным, кроме просто речевого оборота. Если антиматерия существует объективно, то есть независимо от духа и мышления, то она столь же материальна, как и все остальное.

Антиномия (Antinomie)

Необходимое противоречие между двумя в равной мере правдоподобными или доказуемыми тезисами. Кант называет антиномиями чистого разума конфликтные столкновения разума с самим собой, в которые он неизбежно приходит при малейшей попытке достичь абсолюта. Он перечисляет четыре такие антиномии: можно с равным успехом доказать, что мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве и, наоборот, что мир не имеет начала во времени и безграничен; что все в мире состоит из простых частиц и, наоборот, что в мире нет ничего простого; что существует свободная каузальность и, напротив, что все в мире происходит согласно законам природы; наконец, что существует абсолютно необходимое бытие и, наоборот, что вообще никакого такого бытия не существует («Критика чистого разума», «Трансцендентальная диалектика», глава вторая). Эти четыре антиномии служат одинаково успешным опровержением сциентизма и догматической метафизики и, по Канту, оправданием критицизма.

Антитезис (Antithese)

В риторике – простое противопоставление. В философии – чаще всего тезис, противопоставляемый другому тезису (например, у Канта, в антиномиях чистого разума). Антитезисом называется также вторая составляющая гегелевской трехчастной диалектики (триады): антитезис противопоставляется тезису, но само их противопоставление должно быть «преодолено» – одновременно сохранено и уничтожено – с помощью синтеза. Таково противопоставление бытия и небытия в становлении.

Антитринитарии (Antitrinitaires)

Те, кто не верит в Троицу (от лат. Trinitas). Вольтер в своем «Философском словаре» потратил немало стараний, чтобы доказать, что с точки зрения разума они совершенно правы, но старался он напрасно, ибо Богу вовсе нет никакого дела до рациональных рассуждений. Единство трех лиц в одном лице действительно не поддается рациональному объяснению. Но разве ему поддается идея бесконечной и всемогущей личности? Если человек произносит слово «Бог», это означает, что он заранее отказывается от стремления понимать. А сколько будет этого Бога – один, три или 52 – не имеет никакого значения.

Античность (Antiquite)

Синоним древности, или долгий период, отсчитываемый от конца доисторических времен до начала средневековья – от изобретения письменности примерно 5 тыс. лет назад до падения Римской империи (во всяком случае, в европейской традиции утвердилось именно такое мнение), иначе говоря, приблизительно 35 веков истории. Понятие античности по самой своей природе относительно и ретроспективно. Ни одна эпоха не живет с сознанием собственной древности, и сами древние греки считали себя скорее наследниками и продолжателями, а то и «детьми», если верить Платону, предшествующих эпох (для них античностью был Египет). Абсолютной античности не существует, как не существует современной древности. Есть лишь актуальность всего сущего и необозримость истории. Не следует смешивать идею древности, составляющую первое значение слова «античность», с идеей старости. Если старость, как тонко подметил Паскаль, есть возраст, наиболее удаленный от детства, то из этого вытекает, вопреки Платону, что «те, кого мы именуем древними, на самом деле были новаторами во всем и являли собой, собственно говоря, детство человечества». Это мы в сравнении с ними старики. Отсюда обаяние античного искусства, которое, по определению Маркса, являет собой искусство утраченного и сохраненного в памяти детства: мы тем больше восхищаемся его красотой, чем яснее понимаем,

что оно для нас категорически недоступно.

Антропный Принцип (Anthropique, Principe -)

Раз уж мы существуем, значит во Вселенной имеется некоторое число характеристик, без которых наше существование стало бы невозможным. Из этого положения и выводится антропный принцип, позволяющий протянуть нить между человеком и Вселенной, между биологией и физикой, наконец, между настоящим и прошлым. Но не нарушаем ли мы при этом причинно-следственный порядок? Ответ на этот вопрос зависит от конкретной интерпретации принципа и даже от его формулировки, ибо он и в самом деле может быть изложен в двух формах. В слабой форме (Дикке (27), 1961) он гласит: «Если во Вселенной есть наблюдатели, значит, Вселенная должна обладать свойствами, делающими возможным существование этих наблюдателей». С этим трудно спорить: если человечество является составной частью реальности, из этого с очевидностью вытекает, что Вселенная такова, что существование человечества в ней возможно. В сильной форме (Картер (28), 1973) антропный принцип, напротив, звучит достаточно спорно: «Вселенная с ее законами и организацией должна быть устроена таким образом, что рано или поздно в ней должен появиться наблюдатель». Эта формулировка отражает ничем не оправданный переход от возможного к необходимому и рассматривает человека как цель, пусть и частичную, существования Вселенной. Это уже не просто антропный, а антропо-телеологический, даже антропо-теологический принцип, намного превосходящий все, что мы можем требовать от физики. Впрочем, кто сказал, что физикам запрещено заниматься метафизикой?

Антропогенез (Hominisation)

Человечество не есть сущность; это – история, и прежде всего естественная история.

Антропогенезом называют биологический процесс, в результате которого Homo sapiens постепенно – путем мутаций и естественного отбора – выделился из

предшествующих ему видов. Далее встает вопрос о становлении человека в нормативном смысле этого слова, и это уже не антропогенез, а гуманизация. Второе невозможно без первого, но первое без второго вообще не имело бы смысла: получилась бы всего лишь еще одна крупная обезьяна.

Антропология (Anthropologie)

Этимологически – познание (logos) человека (anthropos). Но термин выглядит достаточно туманным, как, впрочем, и само понятие. Имеется ли в виду философское познание? Или научное познание? Тогда в области какой конкретно науки оно лежит? Многое из того, что нам известно о человеке, есть результат достижения наук (физики, биологии, палеонтологии и т. д.), непосредственным предметом изучения которых он отнюдь не является. Что касается так называемых гуманитарных наук (этнологии, социологии, психологии, лингвистики, истории и т. д.), им так и не удается объединиться в единую науку, которая и могла бы называться антропологией. Точнее говоря, все эти науки только и существуют благодаря своему категорическому нежеланию сливаться в единый дискурс, в котором без следа растаяло бы все смелое и радикальное, что есть в каждой из них. Единство вида не подлежит обсуждению, но вот его автономия – другое дело. «Человек – это не империя в империи», – сказал Спиноза. Вот почему гуманизм не может претендовать на звание религии, а антропология – на звание науки.

Антропоморфизм (Anthropomorphisme)

Стремление придать человеческие черты тому, что не является человеком, в частности животным или богам. Именно это и происходит в баснях и в религиях. «Если Бог создал нас по своему образу и подобию, – пишет Вольтер, – мы сумели ответить ему тем же».

Антропофаги (Anthropophages)

Научное обозначение людоедов – тех представителей рода человеческого, которые не брезгуют употребить в пищу мясо своих собратьев. Доказано, что антропофагия была характерна для подавляющего большинства примитивных цивилизаций, хотя использовалась не с гастрономической целью, а в качестве ритуала. Как бы это ни шокировало нас сегодняшних, сами мы поступаем еще хуже. Еще Вольтер писал: «Мы убиваем своих соседей и сомкнутыми, и разомкнутыми боевыми порядками и за самую презренную плату трудимся над кухней воронья и червей. Вот в чем ужас и преступление, а что за разница, кто пожрет твой труп – другой солдат, ворон или собака? Мертвых мы уважаем больше, чем живых, а надо бы уважать и тех и других» («Философский словарь», ст. «Антропофаги»; см. также Монтень, «Опыты», книга I, глава 31).

Антропоцентризм (Anthropocentrisme)

Стремление поставить человека в центр, но не ценностей, как это делает гуманизм, а бытия. С точки зрения антропоцентризма Вселенная создана исключительно для нас, а потому все на свете должно вращаться вокруг нас. Сущность антропоцентризма настолько же легко понять с позиции психологии (что-то вроде нарциссизма, свойственного целому виду), насколько трудно принять с позиции рационального мышления. Почему, собственно, человечество должно оказаться в таком удивительно привилегированном положении? Ответить на этот вопрос нельзя, не прибегая к помощи религии, которая сама является парадоксальной формой антропоцентризма (ее истинным центром остается Бог), или критицизма, который являет собой гносеологический антропоцентризм. «Коперникианская революция», предложенная Кантом, на деле является контрреволюцией, попыткой вновь поместить человека в центр, откуда его изгнал прогресс науки. И не только в центр познания посредством трансцендентальности, но и в центр творения (представив его как конечную цель творения) посредством свободы. Но это все равно что признать идеи Просвещения, не отказываясь при этом от веры. Центральным вопросом философии, утверждает Кант, является вопрос: «Что такое человек», и все остальные вопросы сводятся к нему же. Лично я считаю это проявлением философского антропоцентризма, и это служит одной из причин того, что я не кантианец.

Более убедительным представляется мне в этой связи Фрейд. В знаменитом отрывке из «Опытов прикладного психоанализа» он перечисляет три нарциссические травмы, которые нанес человечеству научный прогресс: коперникианская революция, т. е. подлинная революция, совершенная Коперником, в результате которой человек оказался изгнан из центра Вселенной (космологическое унижение); эволюционизм Дарвина, указавший человеку на его место в животном царстве (биологическое унижение); наконец, сам психоанализ, доказавший, что «мое “я” не является хозяином в собственном доме» (психологическое унижение). Я бы добавил к этому списку Маркса, Дюркгейма и Леви-Строса (29), которые показали, что человечество не является хозяином ни самому себе, ни истории. Разумеется, следует иметь в виду, что античные мыслители, как о том напоминает Реми Браг (30), отнюдь не рассматривали центральное положение как привилегированное (Плотин приводит в пример человеческое тело, а Макробий (31) – сферу; и в том и в другом случае центр – скорее «низ», чем «верх»), а сама Земля вплоть до Возрождения виделась чем-то вроде подвала Вселенной, но это, в конце концов, не так уж и важно. Гораздо важнее другое: вся совокупность знаний новейшего времени определенно свидетельствует против антропоцентризма, что доказывает правоту Фрейда. И как же повел себя в этих обстоятельствах антропоцентризм? Присущий ему нарциссизм быстро нашел себе разнообразные утешения: философские (Кант, Гуссерль (32)), научные или псевдонаучные (антропогенный принцип), наконец и главным образом, психоаналитические. Мое «я» не может распоряжаться в собственном доме? Ну и что, зато у меня есть подсознание, мое второе «я», и пусть оно порой ведет себя абсурдно, так даже интереснее! Не спорю, в этом присутствует элемент искажения психоанализа, но таково основное правило всякого успешного предприятия, которое не обходится без недоразумений. Просто Нарцисс покинул свой водоем и разлегся на диване. «Ах, до чего я интересный человек! Какая во мне глубина! Какая сложность! А взять моего отца? А мою мать? Какая бездна смыслов, драм, прихотливых желаний!» И вот уже психоанализ, начинавший с роли психологической травмы нарциссического сознания человечества, превращается в его очередное, нарциссическое же, утешение, может, только еще более самовлюбленное и болтливое, чем все прочие. Хорошо еще, что психоанализ иногда способен излечить нас от себя самого. Стоит утратить интерес к себе, и с лечением покончено.

Апагогическое Доказательство (Apagogique, Raisonnement -)

Научное и даже несколько педантичное название доказательства от противного (Абсурд). Иногда апагогическим называют также доказательство истинности суждения путем опровержения не одного прямо противоположного суждения (как в доказательстве от противного), а всех суждений, которыми можно было бы заместить данное суждение в рамках решения одной и той же проблемы. Эта процедура столь же тяжеловесна, сколь и обозначающее ее слово.

Апатия (Apathie)

Отсутствие страсти, воли или энергии. Впрочем, подобная многозначность термина появилась лишь в новейшие времена вместе с верой в то, что в основе энергии и воли обязательно лежит страсть. Поэтому людям новейшего времени апатия часто представляется симптомом (в частности, некоторых шизофренических или депрессивных состояний), и нельзя сказать, что они так уж заблуждаются. Другой вопрос, сводится ли понятие апатии только к этому. Если мы рассмотрим его этимологию и установим его первоначальное значение (apathos в переводе с греческого – отсутствие страсти, волнения), то перспектива разительным образом изменится. Стоики, например, полагали апатию не слабостью, а добродетелью. Почему? Потому что они больше верили в храбрость, чем в страсти, а для того, чтобы действовать, вовсе не нуждались в каком-то особом подъеме. Может быть, в отношении страстей они были прозорливее нас – как мы прозорливее их в отношении воли? Познать можно лишь то, что преодолеешь. У каждой эпохи – те озарения, которых она заслуживает.

Аподиктический (Apodictique)

Логически необходимый, например, в доказательстве (термин происходит от греческого apodeiktikos, что значит доказательный). Одновременно эпитетом аподиктический называют один из модусов суждения. То или иное высказывание может быть ассерторическим (если сводится к сообщению факта), проблематическим или гипотетическим (если сообщает о возможности) и, наконец, аподиктическим (если выражает необходимость). Следует различать между собой эти два значения термина «аподиктический», поскольку первое

выражает достоверность, чего нельзя сказать о втором. Достоверность высказывания зависит не от модуса суждения, а от надежности доказательства. Любое высказывание – ассерторическое («Бог существует»), проблематическое («Возможно, Бог существует») или аподиктическое («Бог не может не существовать») – является достоверным только в том случае, если его доказательство носит аподиктический характер, иначе говоря, если оно действительно является доказательством. Это объясняет, почему можно сомневаться в необходимости или достоверности факта и быть уверенным в вероятности чего-либо.

Апокалипсис (Apocalypse)

Откровение (apokalupsis) или конец времен, о котором говорится в одноименной книге, приписываемой св. Иоанну. Тот факт, что слово «апокалипсис» стало нарицательным и употребляется для обозначения особенно страшной катастрофы, выглядит достаточно красноречивым: даже в верующих страх сильнее надежды. Впрочем, не будь страха, и надежда стала бы не нужна.

Аполлоновский (Apollinien)

По Ницше, один из двух принципов греческого искусства, а может быть, и искусства вообще. Аполлоновский принцип – принцип индивидуации, согласно которому каждое существо есть то, что оно есть, но также и принцип равновесия и меры, благодаря чему достигается самодостаточность. Аполлоновский принцип противостоит дионисийскому принципу чрезмерности, воспламенения, становления и безграничности, одним словом, трагическому принципу. Оба принципа комплементарны, и большинство шедевров искусства вдохновляются и тем и другим. Тем не менее между ними сохраняются четкие различия. Аполлоновский принцип, олицетворяющий красоту формы, особенно ценится в изобразительном искусстве и находит свою кульминацию в классицизме. Дионисийский принцип, основанный на порыве, ярче всего проявляется в музыке, достигая апогея в барокко и романтизме.

Согласно Ницше, первичным является дионисийский принцип. Равновесие, мера и классицизм никогда не появляются сами собой, над ними необходимо работать. Сначала – опьянение, потом – трезвость мысли.

Апория (Aporie)

Неразрешимое противоречие; трудность, непреодолимая для мысли. Например, апорией является вопрос о происхождении бытия. Всякое происхождение подразумевает уже нечто сущее, то есть какое-то бытие, следовательно, объяснить одно другим нельзя. Апория – своего рода загадка, но скорее логического, чем мистического или духовного характера. Это или проблема, от решения которой приходится отказаться, во всяком случае временно, или тайна, не вызывающая желания поклоняться.

A Posteriori

Все, что следует за опытом и зависит от него. Противостоит понятию a priori, но подразумевает его (по Канту) и ценится гораздо больше (по общераспространенному мнению). Убедиться в правоте того или иного утверждения можно, только испытав его на опыте. Даже арифметические действия и геометрические доказательства, которые можно сравнить с опытами мыслительной деятельности, для каждого из нас обретают ценность истины только после того, как мы лично их проделаем или выведем.

Апофантический (Apophantique)

В переводе с греческого apophansis означает высказывание. Апофантическое суждение – это констатация, то есть утверждение или отрицание чего-либо, из чего вытекает, что такое суждение может быть истинным или ложным. В широком смысле апофантическим называют также все, что относится к области суждений или теоретизирования (например, формальная апофантика Гуссерля).

Апофатический (Apophatique)

От греческого apophanai – говорить «нет». Апофатическое высказывание строится на отрицании. Наиболее известна апофатическая теология, признающая невозможность дать определение Бога, но в то же время полностью не отказывающаяся рассуждать о Боге. Познание Бога в рамках этого учения видится как познание непознаваемого, а все высказывания в его адрес основываются на выражении невыразимого. Между тем, даже построенная на отрицании, апофатическая теология утверждает существование Бога. За неимением возможности постичь Бога или сформулировать, что он такое, она пытается обрисовать его, если можно так выразиться, негативно, указывая на то, чем Бог не является. Можно возразить, что лучше молчать, чем говорить так. Но на молчании богословия не создашь.

Апперцепция (Aperception)

Восприятие восприятия, т. е. восприятие себя в качестве воспринимающего, иными словами, самосознание, без которого невозможно осознание чего бы то ни было. Кант называет трансцендентальной апперцепцией самосознание, понятое как чистое, прирожденное, неподвижное сознание, благодаря которому все наши представления могут и должны сопровождаться единым «я мыслю» и без которого мы не могли бы воспринимать их как свои представления («Критика чистого разума», «О дедукции чистых рассудочных понятий», §§ 16–21). Это синтетическое единство апперцепции есть «высший пункт, с которым следует связывать все применение рассудка», вернее, это и есть «сам рассудок», являющийся не чем иным, как «способностью a priori связывать и подводить многообразное (содержание) данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании» (там же, § 16). Познание существует только в сознании и только в той мере, в какой это сознание является самосознанием. Если бы мой калькулятор знал, что он умеет складывать и вычитать, он перестал бы быть калькулятором. Но он понятия не имеет о том, что он такое, так как же он может познавать хоть что-нибудь? Калькулятор великолепно выполняет операции с

числами, но считать он не умеет.

Аппетит (Appetit)

Желание в его материалистическом проявлении. Для тела аппетит то же, что для души желание – способность наслаждаться тем, что необходимо, полезно или приятно. Но если тело и душа суть одно и то же, как учит Спиноза и как думаю я сам, различие между желанием и аппетитом зависит исключительно от точки зрения интерпретатора. Первое – преимущественно психологической природы, второе – физиологической. Иначе говоря, это два разных слова для выражения одной и той же притягательности для нас того, что позволяет нам жить лучше или хуже, одной и той же тенденции, одного и того же влечения, – два аспекта нашего conatus'а. Аппетит есть «не что иное, как самая сущность человека, из природы которого необходимо вытекает то, что служит к его сохранению, и, таким образом, человек является определенным к действованию в этом направлении» («Этика», часть III, теорема 9, схолия). Это не значит, что мы не можем действовать иначе; это значит лишь, что для другого действия у нас должен появиться другой аппетит.

В повседневной речи аппетитом обычно называют желание утолить голод. Здесь царствует физиология, если не исключительно (аппетит может усиливаться или уменьшаться под влиянием душевных переживаний), то во всяком случае преобладающе. Впрочем, не следует путать аппетит с голодом. Голод – это ощущение недостаточности, слабость и страдание, тогда как аппетит – сила и удовольствие.

На латыни appetere означает приближаться, стремиться, тянуться к чему-то. То, что мы тянемся к тому, чего нам не хватает, вполне понятно. Но тянуться можно и к тому, что у нас есть, недостатка в чем мы не ощущаем, к чему-то доступному и имеющемуся под руками. Чтобы поесть с аппетитом, совсем не обязательно долго страдать от голода.

Иногда говорят об аппетите в сексуальном смысле, подразумевая влечение. В этом случае употребление слова «аппетит» подчеркивает физиологизм (как причину сексуального контакта) и неопределенность (в выборе объекта) влечения. Желание всегда направлено на конкретного мужчину или женщину,

аппетит – на секс как таковой, независимо от личности партнера, который одновременно выступает как необходимое, но безразличное условие удовлетворения аппетита.

Примерно в том же ключе следует понимать аппетит, когда речь идет не об утолении голода, а о неопределенном желании хорошо поесть. Еще не взяв в руки меню, человек уже испытывает радостное предвкушение. Когда он остановит свой выбор на конкретном блюде, на смену аппетиту придет желание.

Все сказанное раскрывает перед нами некоторые особенности гастрономии и эротики. И в том, и в другом случае речь идет о том, чтобы преобразовать аппетит в желание, а желание – в удовольствие или (в любви) в радость. А для этого уже нужно искусство, а порой – и изобретательность.

A Priori

Все то, что в духовной жизни существует независимо от опыта, в частности то, что делает сам опыт возможным (трансцендентальность), следовательно, все то, что должно, по меньшей мере, рассуждая логически, предшествовать опыту. У Канта таковы априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории).

Не следует смешивать априорное и врожденное. Врожденное указывает на хронологическое или фактическое предшествование; априорное – на логическое или теоретическое предшествование. Врожденное принадлежит сфере метафизики, психологии и, как мы все больше убеждаемся в последнее время, биологии; априорное – сфере гносеологии или теории познания. Априорное может быть благоприобретенным (при условии, что оно проистекает не из опыта, как сказал бы Кант, а из самой умственной деятельности); врожденное по определению не может быть благоприобретенным. Наконец, врожденное очевидно существует в телесной форме, собственно, это и есть само тело, в частности мозг. Что касается существования априорного, то оно остается сомнительным; настаивать на его существовании можно только в том случае, если считать, что тело и дух суть не одно и то же, а разные вещи.

Хотя «всякое наше познание начинается с опыта, – пишет Кант, – отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» («Критика чистого разума», Введение). Верно, не доказывает, но и не исключает этого. Ведь может оказаться, что правы Локк и эмпирики, иными словами, что в уме не появляется ничего, что не проистекало бы от органов чувств и опыта. Сформулированное ими знаменитое правило звучит так: «Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu» (нет ничего в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях). Лейбниц сделал к этой формуле маленькое добавление, полностью перевернувшее весь ее смысл: «nisi ipse intellectus» (кроме самого интеллекта). A priori, если только оно существует, и есть то умственное, что логически предшествует всем эмпирическим данным, благодаря которым оно и проявляется. Материалисты видят здесь скорее одну из способностей нашего мозга. В уме, сказали бы они, не существует ничего вне зависимости от опыта взаимодействия мозга с миром и с самим собой; ничего, кроме самого мозга, а это уже не априорное, а врожденное.

В повседневной речи выражение a priori употребляют для обозначения нуждающейся в проверке гипотезы, а иногда даже предрассудка или предвзятой идеи. В философском контексте подобного употребления следует всячески избегать, дабы не вносить путаницы. Вот почему нельзя сказать, что понятие a priori (в техническом смысле) является априорным (в расхожем смысле). Но никто не может запретить нам так думать.

Арбитр (Arbitre)

Нейтральное лицо, которому поручено поддерживать равновесие или разрешать конфликты между несколькими сторонами с согласия этих сторон.

Аргумент (Argument)

Идея, используемая в поддержку другой идеи, но недостаточная, чтобы ее утвердить. Аргумент – не доказательство, а то, что заменяет доказательство за его неимением.

Аргументация (Argumentation)

Упорядоченная совокупность аргументов, используемых для рационального подтверждения какого-либо тезиса (молитва – не аргументация), но не способных служить доказательством его истинности (это будет уже не аргументация, а доказательство как таковое). В силу обеих этих особенностей аргументация – основополагающий компонент любого философского учения, достойного этого имени.

Аргумент Третьего Человека (Troisieme Homme, Argument Du -)

Аргумент, выдвинутый Аристотелем в споре с Платоном, а еще раньше – самим Платоном в споре с собой. Впервые упоминается в «Пармениде» (132 a-b). Идея аргумента заключается в выявлении общности, присущей разным индивидуумам (например, величина может быть общим признаком некоторых больших вещей). Но если величина существует сама по себе (величина в себе), то она, в свою очередь, является индивидуальной сущностью; поэтому, чтобы осмыслить отношение между большими вещами и величиной в себе, нужно найти что-то общее, привлечь какую-то третью единицу. Затем, чтобы убедиться в единстве этой третьей единицы с двумя предыдущими, понадобится четвертая, и так далее до бесконечности. Единство ускользает, а идеи множатся до бесконечности. Как Платон расправился с этой трудностью? Он ввел понятие единства каждой идеи, но не доказал его, а всего лишь постулировал (см. «Государство», книга X). Конечно, Стагириту, повторившему этот аргумент в своей «Метафизике» (книга I, глава 9; книга III, глава 7; книга XIII, глава 4), он не показался убедительным. Если для осмысления того общего, что объединяет всех людей, требуется вообразить человека в себе, то для того, чтобы показать общность этого человека в себе с остальными людьми, понадобится третий человек, потом четвертый, и так далее до бесконечности. Следовательно, допустить независимое существование идеи человека (сверхчувственного, невещественного человека, или человека в себе) означает не обнаружить способ осмысления общности вещественных людей (принадлежащих к человеческому роду), а, напротив, окончательно, утратить его в бесконечном множестве абстракций. Поэтому следует отказаться от попытки «овеществления»

универсального, то есть порвать с платонизмом. Платон мне друг, сказал по этому поводу Аристотель, но истина дороже (см. «Никомахова этика», I, 4, 1096a).

Аристократия (Aristocratie)

Власть лучших (aristoi) или тех, кто считается лучшими. Этимология слова объясняет, почему следует различать аристократию и олигархию – власть отдельных людей, выделяемых вне зависимости от их личных достоинств. На практике, впрочем, оба понятия демонстрируют тенденцию к слиянию в одно потому, что, во-первых, никогда нельзя с уверенностью сказать, кто именно может считаться лучшим, а во-вторых, потому, что слишком мала вероятность того, что они получат доступ к власти. Всякая власть, именующая себя аристократией, на деле есть олигархия.

Архетип (Archetype)

Принципиальная (arkhe) модель (tupon) или даже исход ная форма, копией которой якобы является реальная действительность. Таковы идеи у Платона и структуры коллективного бессознательного у Юнга. Архетип – своего рода мысль, предшествующая мысли и служащая ей моделью. Однако существуй такие модели на самом деле, разве нужно было бы мыслить?

Аскеза (Ascese)

Упражнение (askesis). Может быть физическим, но ставит перед собой духовную цель. Диоген, например, раздевшись посреди зимы донага, прижимался к обледенелой статуе. Он изнурял свое тело, чтобы укрепить душу. Как аскеза влияет на дух? Думаю, что никак: духу нет дела до подобных мелочей. Вот почему истинные гиганты духа никогда не давали завлечь себя в ловушку аскетизма. Рекомендуется к употреблению в умеренных количествах.

Аскетизм (Ascetisme)

Аскеза, возведенная в разряд жизненного правила или доктрины. В качестве правила аскеза – явный перегиб, в качестве доктрины – явное заблуждение. Удовольствие способно научить нас гораздо большему.

Аскетический Идеал (Ascetique, Ideal -)

По Ницше, порождаемый злобой и недобросовестностью идеал реакционных сил, способных существовать только против кого-то или чего-то. Аскетический идеал преображает страдание в кару, существование в виновность, смерть в спасение, наконец, волю к власти в «волю к уничтожению». Это триумф нигилизма – стремление спасти жизнь путем ее отрицания. По мнению Ницше, именно этот идеал торжествует в христианстве, а также во всех бледных атеистах и духовных рахитах, которые «все еще верят в истину» («К генеалогии морали», III). Наряду с алкоголем и сифилисом, это, как утверждает Ницше, одна из трех «язв», пожирающих Европу.

Ассерторический (Assertorique)

По Канту, один из трех модусов суждения, а именно тот, что соответствует категории существования или несуществования. Ассерторическое суждение – это суждение, содержащее утверждение или отрицание относительно реальности сообщаемого факта; констатация того или иного факта. Ассерторические суждения отличаются от проблематических (содержащих высказывание о возможности) и аподиктических (утверждающих необходимость) суждений (Аподиктическое суждение).

Атараксия (Ataraxie)

Отсутствие волнения, душевный покой. Древние греки (особенно Эпикур и стоики) именовали атараксией безмятежность.

Является ли атараксия чисто отрицательным состоянием, как это почти всегда принято полагать? Не обязательно. Отсутствие волнения в данном случае означает присутствие жизни и всего остального, и это присутствие позитивно настолько, насколько возможно. Наличие отрицательной приставки а- не должно нас обманывать: атараксия выражает не лишение, а полноту. По Эпикуру, это удовольствие душевного покоя, по Эпиктету – счастье в действии.

Одновременно атараксия означает опыт приобщения к вечности, «ибо совершенно не похож на смертное существо человек, живущий среди бессмертных благ» (Эпикур, «Письмо к Менекею»). Вот почему атараксию как духовный опыт можно считать аналогом блаженства (Спиноза) или нирваны (буддизм).

Атеизм (Atheisme)

Основное значение термина выражено отрицательной приставкой а-. Быть атеистом значит существовать без бога (a-theos): либо по причине неверия ни в одного бога, либо по причине утверждения несуществования всех богов.

Следовательно, атеизм существует в двух формах: в форме неверия в Бога (негативный атеизм) и в форме веры в то, что Бог не существует (позитивный и даже воинствующий атеизм). Это либо отсутствие веры, либо вера в отсутствие. Либо отсутствие Бога, либо отрицание Бога.

Первая из этих двух форм атеизма достаточно близка к агностицизму, отличаясь от него только более ясно выраженной позицией отрицания. Агностик не разделяет ни веры, ни неверия: он сомневается, задается вопросами, колеблется и отказывается делать выбор. В великом метафизическом «соцопросе» в графе «Верите ли вы в Бога?» он выбирает клеточку «Не имею собственного мнения». Атеист на тот же самый вопрос отвечает решительным: «Нет». Чем он при этом

руководствуется? Это, конечно, во многом зависит от личности атеиста, но в общем и целом главным мотивом для него чаще всего выступает нежелание поклоняться кому бы то ни было. Атеист не настолько высокого мнения о мире, человечестве и самом себе, чтобы признать правдоподобие версии о том, что все это создано Богом. Слишком уж этот мир полон ужасов, а человек слишком прост и несовершенен. Гораздо разумнее допустить, что во всем «виновата» материя, а существование жизни – всего лишь результат случайности. К тому же образ всеблагого и всемогущего Бога (Бога-Отца!) настолько соответствует самым мощным и самым инфантильным из наших желаний, что невольно возникает вопрос: а может, он был специально придуман с целью успокоить и утешить нас, вселить в нас веру и необходимость повиноваться? Бог по определению есть лучшее из всего, на что мы можем надеяться, и это-то и делает его в наших глазах подозрительным. Бесконечная, всемогущая любовь, любовь, которая сильнее смерти и всего на свете… Слишком уж это хорошо, чтобы быть правдой.

Атеист предпочитает не убаюкивать себя сказками, а лицом к лицу встречать страх, горе, отчаяние, одиночество и свободу. Это не значит, что он отрекается от всякого покоя, всякой радости, всякой надежды и всяких законов. Это значит лишь, что все перечисленное он считает чисто человеческим и существующим только и исключительно в этой жизни. Хватает ли ему этого? Далеко не всегда и далеко не полностью. Реальности достаточно только тому, кто готов довольствоваться одной реальностью. Эту способность мы и называем мудростью, которая есть святость атеистов.

Атом (Atome)

Этимологически атом – неделимая частица, или частица, подвластная только умозрительному делению; неделимый элемент (atomos) материи. В этом смысле понимают атом Демокрит и Эпикур. Современным ученым хорошо известно, что это совсем не так. Они научились делить атом, высвобождая энергию. Но атомизм от этого нисколько не пострадал, потому что философии нет дела до этимологии.

Атомизм (Atomisme)

Физическое или метафизическое учение, объясняющее порядок и сложность мира случайным взаимодействием элементарных частиц (атомов, а также кварков, лептонов и прочих бозонов). Претендуя на истину в последней инстанции, атомизм выступает как одна из форм, и, вероятно, наиболее радикальная, материализма. Атомизм пытается объяснить высокое через низкое, дух через материю, порядок через хаос. В этом смысле он противостоит религии, как атомы противостоят монадам.

Атрибут (Attribut)

Все то, что может быть сказано о субъекте или субстан ции, иначе говоря, все то, что может быть ему (или ей) атрибутировано (в данном значении лучше употреблять термин «предикат»). Но прежде всего атрибут – это какое-либо существенное, то есть составляющее сущность, качество. Так, по Спинозе, двумя известными нам атрибутами субстанции или Бога являются мышление и протяженность – на фоне бесчисленного множества других, не известных нам, атрибутов. Но все эти различия, уточняет Спиноза, носят «исключительно умозрительный характер»: атрибуты реально различаются между собой не больше, чем они отличаются от субстанции («Приложение, содержащее метафизические мысли», часть I, глава 3 и часть II, глава 5; см. также Герульт, «Спиноза», т. I, §§ XIV–XV). Атрибуты не являются чем-то внешним по отношению к субстанции; они составляют самую ее сущность («Этика», часть I, определение 4), которую выражают по-разному («Этика», часть I, теорема 10, схолия), при этом оставаясь все той же субстанцией, содержащей «те же самые вещи» («Этика», часть II, теорема 7, схолия). Мышление и протяженность не являются ни предикатами субстанции, ни точкой зрения на субстанцию, но самим бытием субстанции. Часто говорят, что эти атрибуты параллельны (потому что причинно-следственные цепочки выстраиваются в одном и том же порядке, хотя каждая из них остается присущей тому или иному атрибуту: ни тело не воздействует на идею, ни идея – на тело). Но на самом деле все эти параллели перемешаны и слиты в одну-единственную параллель, которая и есть сама природа: «субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию» («Этика», часть II, теорема 7, схолия) – как в человеке душа и тело суть одно и то же («Этика», часть III, теорема 2, схолия). Союз души и тела

представляет собой ложную проблему, возникающую как результат непонимания их тождества. То же самое касается и союза атрибутов: они не нуждаются в объединении, потому что никогда не существовали раздельно.

Аутентичность (Authenticite)

Правда о себе, наедине с собой. Аутентичность – качество, обратное недобросовестности. Следует ли из этого, что она является синонимом добросовестности? Я бы сказал, что это ее более современное и более претенциозное наименование, хотя полного совпадения этих двух понятий все же нет. Быть добросовестным значит любить истину больше, чем себя. Поддерживать аутентичность, в глазах наших современников, это скорее любить истину о себе. «Be yourself» (будь собой (англ.). – Прим. пер.), как говорят американцы. На смену морали пришла психология, на смену религии – идея личного развития. Вы утверждаете, что я трус, эгоист и скотина? Не спорю, зато я честно признаю это, и вы не можете отрицать, что я заслуживаю одобрения как человек правдивый! Я – то, что я есть, и разве я виноват, что не могу быть кем-то другим? Такова моя аутентичность! Аутентичность в этом смысле представляется чрезвычайно удобной добродетелью, что заставляет серьезно усомниться в правомерности ее причисления к добродетелям. Это добросовестность Нарцисса или честный нарциссизм. Но никакой добросовестностью нельзя оправдать все на свете. У современных философов, в частности у Хайдеггера и экзистенциалистов, аутентичность скорее обозначает статус сознания, отдающего себе отчет в своем одиночестве (в отличие от отсутствия аутентичности безличного «они»), в своей свободе (в отличие от недобросовестности) и обреченного на страх и смерть, т. е. на небытие. Много шума из ничего.

Афазия (Aphasie)

Патологическое неумение говорить, вызываемое скорее причинами неврологического или психического, чем физиологического, сенсорного или моторного характера. Иначе говоря, афазию вызывают расстройства мозга, а не заболевания органов слуха или голосовых связок.

Не следует путать афазию с одноименным термином, введенным Пирроном. Aphasia у Пиррона означает не неспособность, а нежелание говорить, потому что говорящий не видит в том никакой надобности.

Афазия – тюрьма, замыкающая человека в молчании; aphasia – свобода, открывающая двери темницы. В том и в другом случае речь идет о молчании, но это разное молчание – одно стоит вне слова, другое вообще находится по ту сторону слова и включает в себя все возможные слова.

Аффект (Affect)

Распространенное название и научный термин для обозначения чувств, страстей, эмоций и желаний – всего того, что затрагивает нас как приятным, так и неприятным образом. Но ведь тело тоже способно чувствовать, скажете вы. Конечно. Однако аффект – это что-то вроде отклика на происходящее с телом и производимое телом. Тело чувствует – душа переживает, и это переживание и есть аффект.

Чем была бы боль, если бы ее некому было переживать? Чисто физиологической реакцией, но никак не болью в собственном смысле слова. То же самое можно сказать и об удовольствии. Между тем боль и удовольствие – два основных аффекта. Что такое радость? Удовольствие для души. Что такое печаль? Страдание души. Желание? Расхождение между тем и другим, вызванное реальным или мнимым противопоставлением первого и второго. Вот почему Фрейд называет принцип удовольствия великим законом эмоциональной жизни человека.

«Под аффектами я разумею состояния тела (corporis affectiones), которые увеличивают или уменьшают способность самого тела к действию, благоприятствуют ей или ограничивают ее, а вместе с тем и идеи этих состояний» («Этика», часть III, определение 3). Существование не есть абсолют: мы существуем более или менее, в зависимости от силы аффектов, и стремимся, чтобы они проявлялись с максимальной силой. Душа и тело составляют единое целое. Если что-то происходит в душе, оно одновременно происходит и в теле, и наоборот. Аффект – выражение этого единства, выражение усиления или

ослабления нашей способности к существованию и действию. Это жизненное усилие (conatus), рассматриваемое со знаком «плюс» или знаком «минус». Аффекты могут находить выражение в страстях (когда плюс и минус не зависят от нас или зависят лишь частично) и поступках (когда мы сами являемся их адекватной причиной; «Этика», часть III, определение 2). Всякая радость хороша, но далеко не все радости стоят друг друга.

Аффектация (Affectation)

Претенциозная имитация аффекта, стремление изобразить чувство, которого не испытываешь, с целью обратить на себя внимание или придать себе веса. Так, сноб изображает благородного человека, хотя ему благородство вовсе не свойственно (речь, разумеется, идет о душевном благородстве, ведь и аристократ может быть снобом), или свою приобщенность к культуре, которой ему явно не хватает, а ханжа выставляет напоказ притворную набожность. Аффектации противостоят естественность и простота.

Б

Барокко (Baroque)

Искусство максимализма или стремления к максима лизму; эстетика излишества и изумления. Искусство барокко стремится к стопроцентному раскрытию своей природы, заключающейся в украшательстве, и само опьяняется собственным богатством. Всякое искусство чрезмерно (смысл – всегда излишество), и тот факт, что оно существует, сам по себе изумляет, следовательно, искусство вообще – это барокко нашего мира. Также барокко являет собой свод правил для любого вида искусства, и единственным исключением из этого правила служит классицизм.

В истории искусства под термином «барокко» понимают и определенный период (приблизительно с конца XVI до начала XVIII века), и стиль, для которого характерны сложность, отвага, изобилие, который отдает предпочтение изогнутым линиям, движению, неуравновешенности или патетичности форм и питает слабость к зрелищности, необычности, даже оптическому обману и искусственности. Довольно часто барокко противопоставляют классицизму, как гипербола противостоит литоте. Пожалуй, точнее будет сказать, что барокко – иное выражение классицизма, иногда следующее за ним (как в Италии), иногда – предшествующее ему (как во Франции). Ясно одно: без барокко классицизм никогда не обрел бы той строгости и той уравновешенности, которые – по контрасту и ретроспективно – служат его определяющими признаками. Классицизм, как замечательно сказал Франсис Понж (33), это «туже всего натянутая струна барокко». Методом от обратного нетрудно дать и определение барокко как классицизма, ослабившего свое напряжение, копящего силы, относящегося к самому себе с долей несерьезности, отказывающегося от совершенства ради удовольствия удивить или произвести впечатление, наконец, позволяющего себе свободный поиск себя. Классицизм, повторяю, может рассматриваться как правило только в силу того, что он прежде всего является исключением из правила и способен поразить наше воображение, только добившись явного успеха. Его пределом является барокко, которому необходимы странность, излишество и виртуозность, дабы не впасть в банальность.

Басня (Fable)

Выдуманная история, которую никто не собирается выдавать за подлинную; история, подлинность которой невозможно допустить; миф, побуждающий не верить, а размышлять или смеяться.

Безволие (Aboulie)

Бессилие воли. Слово употребляется либо для обозначения патологии (абулия – неспособность действовать по собственной обдуманной воле), либо в качестве эвфемизма, позволяющего избежать употребления других слов: бесхарактерность, трусость, лень. Таким образом, безволие – либо синдром, либо

недостаток характера.

Безнадежность (Desespoir)

Нулевая степень надежды и противоположность веры. В расхожем значении слова безнадежностью называют пик печали или разочарования; такое состояние, при котором несчастье представляется неизбежным, а какое бы то ни было счастье невозможным. Так, читая в газете об очередном самоубийстве, мы обычно узнаем, что человек покончил с собой от безнадежности. Из этого следует, что безнадежности почти всегда предшествует несбывшаяся надежда («Главной причиной самоубийств, – написал мне один психоаналитик, – является надежда; люди сводят счеты с жизнью под влиянием ее крушения») и даже последняя надежда (на смерть). Безнадежность – это непреодолимое и смертоносное разочарование.

Но безнадежность можно понимать и в другом смысле, что лично мне представляется более правильным, – как отсутствие всякой надежды, иначе говоря, отсутствие каких бы то ни было желаний, направленных на будущее, на то, чего мы не знаем, и на то, что от нас не зависит. Если речь идет об отсутствии любых желаний, это отрицательная безнадежность; если наши желания ограничиваются только тем, что есть на самом деле, что мы знаем и что зависит от нас, это положительная безнадежность (любовь, познание, воля). В этом смысле безнадежность противостоит вере (выражающей желание, направленное на то, чего нет, или на то, что нам неизвестно). Она также противостоит надежде (выражающей желание, направленное на то, чего нет, или на то, что от нас не зависит). Таким образом, безнадежность противостоит религии. «Безнадежность обратна вере», – сказал Кьеркегор (34). И наоборот, добавим мы: вера обратна безнадежности.

Вот почему я считаю себя вправе говорить о веселой безнадежности. В самом деле, разве верующие владеют монополией на радость? Если Бога нет, положение человека действительно в чем-то безнадежно, что очевидно: ведь мы старимся, страдаем, умираем. Но эта очевидность не в силах помешать нам радоваться настоящему и наслаждаться им. Скорее даже наоборот: она лишь способствует тому, чтобы мы радовались и наслаждались в настоящем. Разве мало верующих, проживших жизнь в надежде на счастье в загробном мире, «в

надежде, – как отметил Паскаль, – на иную жизнь»? И атеистов, сумевших получить от жизни подлинное удовольствие и любивших ее не ради надежды на нечто несбыточное, но ради самой жизни? Такова трагическая мудрость – мудрость счастья и безнадежности. Сочетание того и другого не просто возможно; оно необходимо. Надеяться можно только на то, чего у нас нет, и надежда на счастье разлучает нас со счастьем. Напротив, тот, кто полностью счастлив, не нуждается в надежде, даже в надежде на то, что его счастье продлится (если он надеется на это, значит, опасается, что счастье его покинет, значит, перестает быть счастливым). Такова мудрость Востока: «Счастлив лишь тот, кто не имеет надежды, – говорится в “Санкхья-сутрах”, – ибо надежда есть самая жестокая пытка, а безнадежность – самое великое блаженство из всех возможных». Безнадежность есть умение жить в настоящем и истина жизни.

Способны ли мы на такую безнадежность? Я бы сказал, что время от времени нам удается пережить ее на опыте: благодаря сексу, созерцанию или действию, когда все наши желания ограничиваются тем, что имеет место в данный миг, тем, что мы делаем и что зависит от нас. Иногда в подобные минуты нас охватывает такое ощущение полноты бытия, что надеяться и в самом деле больше не на что – ибо для нас не существует ничего, кроме настоящего, кроме реальности, кроме подлинности. Не существует ничего, кроме сущего. Случается такое нечасто, зато, если уж случается, оставляет нам незабываемые впечатления. Это опыт прикосновения к вечности, как сказал бы Спиноза, такой опыт, который, по выражению Пруста, вселяет в нас равнодушие к идее смерти.

На самом деле это значит, что время от времени нам просто удается почувствовать себя живущими на свете.

Безразличие (Indifference)

Не отсутствие различий (идентичность), но отказ или неспособность придать этим различиям эмоциональную значимость; отсутствие не различий, а предпочтений, иерархии или даже нормативности. Для безразличного человека не все одинаково (не все идентично), но все одинаково неважно. Как говорится, ему все все равно, что означает: различия, даже существенные, не имеют для него никакой ценности. Это атараксия (adiaphoria, т. е. невозмутимость) в понимании Пиррона как результат знаменитого ou mallon: всякая вещь в равной

мере (ou mallon) есть то, что она есть, и то, чем она не является; одно стоит другого; никакие предпочтения не имеют смысла. Но это, повторим, происходит не потому, что вещи обладают внешним сходством (Пиррону (35) случалось торговать на рынке, и он, надо полагать, хорошо понимал разницу между свиньей и курицей), а потому, что ни одна из них не основывается на истине или ценности. Одно стоит другого, потому что ничего стоящего вообще нет. На это можно возразить, что, стоя в торговых рядах, Пиррону хочешь не хочешь приходилось различать собственный товар (курица не может стоить столько же, сколько свинья). Однако он считал, что это проблема покупателей, а не продавца. Безразличие не предполагает ни слепоты, ни глупости. Оно предполагает нейтралитет и безмятежность.

Но возможно ли достигнуть безмятежности? И зачем к ней стремиться, если тебе все безразлично, в том числе и безмятежность? Пиррон – один из тех редких философов, которые исповедуют подлинный нигилизм, да еще в такой форме, что им хочется подражать. Однако само это стремление заставляет нас отвернуться от учения Пиррона и не позволяет встать в ряды его сторонников. Если ничего стоящего нет, значит, и нигилизм ничего не стоит.

Впрочем, в некоторых случаях безразличие может быть оправданным, но лишь частично и с конкретной целью. Так, не стоит придавать большого значения тому, что этого не заслуживает, и считать важным то, что таковым не является. Правосудие, например, невозможно без беспристрастности, каковая выступает в роли своего рода принципа безразличия. Той же природы отличие милосердия от дружбы: это тоже любовь, но безразличная (Фенелон (36) называл милосердие «святым равнодушием»). Вместе с тем ни милосердие, ни правосудие не предполагают равнодушия ко всему окружающему или к себе, поскольку в этом случае и то и другое просто утратило бы смысл. Быть беспристрастным не означает равнодушия к справедливости. Это означает безразличие ко всему остальному. Вот почему безразличие, как это ни парадоксально, обретает ценность только при условии различия в подходах. Иногда оно даже превращается в добродетель. Умение хранить равнодушие к посредственности и преходящим ценностям свидетельствует не о нигилизме, а о величии духа.

Безрассудство (Temerite)

Смелость, несопоставимая с масштабом опасности. Безрассудный человек рискует без меры ради достижения цели, которая того не стоит. Это не столько избыток отваги, сколько нехватка благоразумия.

Безумие (Folie)

«Безумец утратил все, – отмечал один психиатр, – кроме разума». Но разум безумца работает впустую – он сошел с рельс реальной действительности. Скажем, параноидальный бред может служить образцом последовательности (не случайно Фрейд сравнивал философские системы с особенно интересными плодами размышлений параноиков), однако он никогда не открывается миру, а всегда замкнут на себе. Философия должна извлечь из этого урок. Мысль способна избежать безумия только внешним путем, т. е. через реальную действительность или мысли других. То, что истинно лишь для тебя одного, не является истиной.

Безусловное (Inconditionnel)

Один из моих сыновей, ему было тогда лет семь или восемь, как-то задал мне такой вопрос:

«Скажи, что такое я должен натворить, чтобы ты перестал меня любить?» Я не смог найти ответа на этот вопрос, вернее говоря, просто сказал: «Ничего». Что меня самого немало удивило. Тогда же я впервые осознал, что такое безусловная любовь. Признаюсь также, что чувство это я испытываю только по отношению к своим детям. Но оно научило меня понимать любовь лучше, чем все прочитанные книги.

Безусловным является то, что не зависит ни от каких условий, но не в теоретическом, а в практическом или эмоциональном плане. Безусловно то, что с абсолютной непреложностью диктуют нам сердце и воля, но не потому, что это непреложное ничем не обусловлено (наши дети, увы, зависят от множества условий!), а потому, что иначе мы не смогли бы жить. Я называю это

практическим абсолютом, понимая под ним то, к чему мы стремимся, и то, что мы любим не рассуждая и помимо всяких условий (пользуясь современным лексиконом, можно сказать: это то, по поводу чего никакой торг неуместен). В случае необходимости мы готовы пожертвовать ради этого всем остальным (во всяком случае, всем тем, что не является для нас столь же безусловным).

Таким образом, безусловное совсем необязательно бывает ничем не обусловленным; мало того, в глазах материалиста, каким я являюсь, оно никогда не бывает ничем не обусловлено. Возьмем для примера неприятие расизма. Являясь безусловной ценностью, оно возникает лишь с появлением определенных условий. Именно этим отличается мораль от религии: для атеиста практический абсолют существует лишь относительно к нам самим.

Беседа (Conversation)

Разговор, не преследующий цель убедить или победить собеседника. Цель беседы – понять друг друга, а вовсе не добиться взаимного согласия. Тем самым беседа отличается от спора (предполагающего разногласие во мнениях и желание положить ему конец) и диалога (подразумевающего общее стремление к достижению истины). Беседа ни к чему не стремится, вернее, является самоцелью. Ни к чему не обязывающий характер беседы составляет существенную долю ее очарования. Это одно из удовольствий существования, особенно если беседуют друзья. Отличия друг от друга приносят им радость, так ради чего им стараться эти отличия уничтожить?

Бесконечное (Infini)

Этимология слова достаточно прозрачна: бесконечное есть то, что не имеет конца, предела (finis), границы. Не следует путать бесконечное с неопределенным, ибо последнее представляет собой то, что не имеет известного или доступного познанию предела.

Самые удобные примеры бесконечного предоставляет нам математика. Каждый понимает, что последовательность чисел бесконечна – ведь к самому большому числу всегда можно прибавить еще какое-то число. Необходимо отметить при этом, что часть бесконечного множества не обязательно бесконечна (например, количество целых чисел от 3 до 12 – конечно), но может быть бесконечной (последовательность четных чисел так же бесконечна, как и последовательность целых чисел, хотя первая представляет собой часть второй). Таким образом, бесконечное множество обладает следующей исключительной особенностью, позволяющей дать ей математическое определение: оно может быть представлено в биекции (взаимно однозначном соответствии) по меньшей мере с одним из его строгих подмножеств. Так, любое целое число может быть поставлено в отношения взаимной однозначности с квадратом этого числа (этот пример принадлежит Галилею), даже если бесконечная последовательность полных квадратов является лишь подмножеством последовательности целых чисел. Из чего вытекает, что целое в бесконечности не обязательно больше той или иной из его частей (поскольку и часть может быть бесконечной). Это позволяет нам методом от противного дать определение конечному. Конечным является всякое множество, которое необходимо больше одного из его строгих подмножеств (т. е. подмножеств, не являющихся самим множеством).

Есть ли примеры не из области математики? Первое, что приходит в голову, это, конечно, Бог, о котором Декарт говорил, что он, и только он, бесконечен в прямом смысле слова, ибо не имеет никаких границ и пределов. Если применить к понятию Бога изложенное выше рассуждение, то окажется, что Бог не обязательно больше той или иной из своих частей – Бог Троицы, например, не обязательно больше, чем каждое из Лиц, составляющих единство его сущности (во всяком случае, если допустить, что каждая из ипостасей Бога бесконечна). Что, разумеется, никоим образом не доказывает, что Бог есть и что он един в трех лицах.

Что касается примеров эмпирического характера, то здесь мы пасуем. Дело в том, что опыт имеет дело только с конечным или с неопределенным. Можно, конечно, вспомнить знаменитое определение Паскаля, по мнению многих относящееся к Богу (что не случайно), хотя сам Паскаль сформулировал его применительно к универсуму, воспользовавшись, правда, традиционной метафорой: «Это бесконечная сфера, центр которой везде, окружность – нигде» («Мысли», 199–72). К сожалению, подобная бесконечность, впрочем сомнительная, известна нам лишь в форме идеи, но никак не из опыта.

Бескорыстие (Desinteressment)

Бескорыстным мы называем поступок, кото рый не преследует никакой эгоистической цели, либо поступок, который невозможно объяснить одним эгоизмом. Вот почему бескорыстие (во всяком случае, после Канта) считается свойством нравственного поведения: поступать нравственно значит, как говорит Кант, «ничего не ожидать для себя» от этого поступка. Из этого отнюдь не следует, что нравственное поведение не способно приносить радость или удовольствие. Допустим, вы нашли набитый деньгами кошелек и вернули его владельцу. Ваш поступок можно назвать нравственным только в том случае, если вами двигала не надежда получить награду (по возможности превосходящую по ценности содержимое кошелька), не страх наказания (в том числе божественного, ибо в этом случае ваше поведение свидетельствует не о нравственности, а о религиозности или эгоизме) и даже не удовольствие от сознания того, что вы поступили как полагается порядочному человеку. Впрочем, нравственность поступка не исключает возможности испытать удовольствие или получить награду.

Вопрос о том, возможно ли бескорыстие, вызывает споры – ведь оно нарушает принцип удовольствия. Ответить, так это или нет, нельзя, в том числе и потому, что сам вопрос поставлен неправильно. Если мы радуемся, совершая добрый поступок, это еще не значит, что мы совершаем его ради собственной радости. Но даже если бы это и было так, такая радость – максимально приближенная к бескорыстию, хотя и не полностью бескорыстная – все-таки лучше, чем радость мерзавца, умеющего черпать наслаждение только в причиненном другим зле или собственном благополучии.

И совсем несерьезной становится постановка вопроса о бескорыстии, когда речь идет о любви. Нельзя сказать, что мать, кормящая ребенка, поступает бескорыстно, ведь от благополучия ребенка зависит ее счастье. Но надо быть слепым, чтобы не видеть – материнская любовь выше бескорыстия. Здесь мы переходим от морали к этике, от бескорыстия к любви и от Канта к Спинозе.

Бесплатный (Gratuit)

Не то, что не имеет цены (бесплатность не есть достоинство), а то, за что не требуют платы или вознаграждения; то, что доступно без обмена или предложено без возмещения. Говорят также о бесплатном действии, начиная с Жида, чтобы обозначить действие без мотива. Точно так же бесплатный труд вовсе не означает свободного труда. Предполагать, что действие было действительно без мотива, не значит считать его беспричинным (тогда оно бы не существовало). Нет необходимости тем более работать бесплатно, чтобы работать свободно. Бесплатный значит не свободный, а бескорыстный и в разных случаях служит признаком равнодушия, изобилия, щедрости или безумия.

Беспокойство (Inquietude)

Отношение настоящего к будущему в той мере, в какой будущее способно внести разлад в настоящее. Беспокойство колеблется между заботой («Что делать?») и страхом («Как этого избежать?»). Вот почему избавиться от беспокойства невозможно, вернее, избавиться от него можно только в те редкостные минуты, когда мы живем, полностью захваченные настоящим – погруженные в безмятежность созерцания или в деятельность.

Беспорядок (Desorde)

Бросьте на землю горсть камешков. Они упадут как попало, производя впечатление беспорядка.

Если бы вдруг камешки неожиданно сложились в какую-нибудь легко узнаваемую фигуру, например шестиугольник или человеческое лицо, у нас возникло бы впечатление порядка. Однако для самих камешков как в первом, так и во втором случае в форме их расположения на земле нет ни порядка, ни беспорядка. Из этого нетрудно вывести, что же мы понимаем под беспорядком, а именно: не распознанный порядок. Отсюда порядок – это такой беспорядок, который легко вообразить, запомнить или использовать. Следовательно, оба понятия относительны. «Реальность упорядоч е на, – пишет Бергсон (37), – в той

мере, в какой это соответствует нашему мышлению»; и беспорядочна, добавим мы, когда она нас не удовлетворяет, вернее сказать, когда нам не удается найти в ней себя. Идея беспорядка выражает всего лишь «разочарование ума, видящего перед собой не тот порядок, в котором он нуждается, порядок, с которым ему нечего делать в данный момент, и который в этом смысле для него не существует» («Творческая эволюция», III; см. также «Мысль и подвижность»). Таким образом, абсолютного беспорядка не существует потому, что не существует абсолютного порядка: есть лишь различные относительные порядки. Вот почему понятие энтропии не может иметь абсолютного значения. Тот факт, что в любой замкнутой системе беспорядок стремится к максимуму, нисколько не мешает рассматривать сам этот беспорядок как разновидность порядка – наиболее вероятного, наиболее стабильного и наименее созидательного. Все к чему-то стремится или, что то же самое, не стремится ни к чему. Однако это «что-то» кое-что да значит.

Бессмертие (Immortalite)

Бессмертен тот, кто не может умереть; по Платону, это душа; по убеждениям верующих – Бог. Следует отметить, что бессмертие души не является ни христианской (если Иисус спасает нас от смерти и обещает воскресение, значит, мы можем умереть), ни иудейской идеей. Может быть, это греческая идея? Частично – да. И если бы она не имела столь широкого распространения, вряд ли Эпикур потратил бы столько сил на борьбу с ней. Но он видел в бессмертии не столько надежду, сколько неиссякаемый источник страхов. Бессмертие означает вечную подверженность горю, наказанию, повторяемости, одним словом, ад. Быть смертным куда лучше – это обрекает нас всего лишь на небытие.

Бессмысленный (Insense)

Противный здравому смыслу или разуму. Следует отметить, что бессмысленное редко бывает малозначимым. Безумие – тяжкое состояние, часто имеющее глубокий смысл, тогда как самая малозначительная болтовня почти никогда не бывает бессмысленной.

Бессознательное (Inconscient)

В форме прилагательного это слово означает все, что не является сознательным:

например, циркуляция крови или электрический обмен между нейронами суть бессознательные процессы, как почти все происходящие в человеке органические процессы. Мы не знаем, на что способно наше тело, говорил Спиноза. Не знаем потому, что большая часть его возможностей реализуется бессознательно.

В форме существительного бессознательное это все то, что теоретически могло бы быть сознательным, но фактически таковым быть не может в силу вытеснения и внутреннего сопротивления.

В этом случае бессознательное выступает в форме психического бессознательного, как учит Фрейд, и именно этот парадокс является для него определяющим. Бессознательное – это нечто вроде неразумного разума, бессмысленной мысли, субъекта без субъекта. Вы скажете, что такое невозможно? Не уверен. Вполне может быть, что бессознательное – это истина разума, а сознание – всего лишь его крайняя точка, которой вечно что-то угрожает, или вершина, которую без конца необходимо покорять. Если бы мысль могла осмыслить себя как Я, она стала бы Богом. Бессознательное то, что отделяет нас от Бога.

Вот почему не стоит поклоняться бессознательному и не стоит даже слишком ему доверяться. Ведь бессознательное тоже не Бог. И психоанализ, возведенный в ранг религии, оборачивается всего лишь очередным суеверием.

Бесчестье (Deshonneur)

Оскорбление, нанесенное самолюбию, принимаемое всерьез и переживаемое как трагедия. Принцип бесчестья лежит в основе дуэли, вендетты, а иногда и войны. Некто назвал вас трусом, соблазнил вашу жену, поставил под сомнение вашу

честность, вашу мужественность, ваши слова… Если вы его не убьете или, по меньшей мере, не докажете публично, что он не прав – в прежние времена на дуэли, сегодня скорее просто в драке, а то и через суд, – вы обесчещены. Так многие обманутые мужья (состояние, в котором нет ничего позорного) становятся убийцами (состояние, в котором нет ничего достойного уважения), лишь бы избежать бесчестья. Так целые народы уничтожали друг друга в самоубийственных стычках, лишь бы никому не дать повода усомниться в их храбрости. Слишком заботиться о своей чести значит придавать слишком большое значение чужому мнению и слишком маленькое – чужой жизни.

Биология (Biologie)

Наука о живых организмах и о жизни вообще. Нетрудно заметить, что существование биологии как науки отнюдь не может служить резоном к тому, чтобы жить, и даже к тому, чтобы заниматься биологией. Тем не менее все наши резоны напрямую зависят от биологии, которая должна найти им хотя бы теоретическое объяснение. Но объяснить что-либо – еще не значит вынести этому оценку, и никакое объяснение не освобождает от необходимости судить.

Бихевиоризм (Behaviorisme)

От английского (в американском варианте) behavior, что значит поведение. Бихевиоризм – второе название поведенческой психологии (Поведение).

Благо (Bien, Tout Est -)

Все есть благо, провозгласил Лейбниц, а Вольтер в своем «Кандиде» подверг этот оптимизм убедительной насмешке. Действительно, весь наш опыт неумолимо свидетельствует о полной абсурдности предложенной Лейбницем формулы. Между тем она совершенно безупречна. Если Бог существует, если он всемогущ и всеблаг, значит, и в самом деле все к лучшему в этом лучшем из

миров, и иначе быть не может. Принципом лучшего можно объяснить все, но именно поэтому он ничего не объясняет (с его помощью можно было бы с равным успехом объяснить существование мира, во всем отличного от нашего, например мира, в котором нет рака, или мира, в котором войну выиграл Гитлер, и т. д. и т. п.). Истина заключается в том, что мы ничего не знаем ни о таком Боге, ни о возможности существования другого мира, ни о происхождении зла (если допустить, что Бог существует). Все это, заключает Вольтер, не более чем «игра ума любителей поспорить, а сами они – каторжники, играющие своими кандалами».

Все есть благо… Так звучит заключительная реплика Эдипа у Софокла; то же самое произносит и Сизиф у Камю. И это уже не религия, но мудрость. Не оптимизм, но трагизм. Не вера, но верность: «Сизиф учит нас высшей верности, которая отрицает богов и движет камни. Он тоже считает, что все в мире есть благо. И вселенная, отныне лишенная хозяина, не представляется ему ни бесплодной, ни ничтожной. […] Мучительное восхождение к вершине – само по себе достаточное основание, чтобы человеческое сердце преисполнилось сознанием полноты бытия. Мы должны представлять Сизифа счастливым» («Миф о Сизифе», заключение).

Таким образом, если все есть благо, во всяком случае в определенном смысле, то не потому, что зла не существует, и не потому, что зло, как полагал Лейбниц, стоит на службе более высокого добра. Скорее это так потому, что не существует ничего, кроме реальности, которая не является ни добром, ни злом (вернее, является добром или злом только для нас), а для того чтобы иметь возможность хотя бы частично переделать мир, его следует принимать целиком таким, какой он есть. Оптимизм ведет к обману; пессимизм – к тоске. Мир – не супермаркет, в котором можно набрать в корзинку то, что нравится. Либо мы его принимаем, либо нет, и тот, кто надеется переделать мир, должен прежде его принять. Так что же, и в самом деле все в мире есть благо? Пожалуй, это слишком громко сказано. Все в мире истинно, так будет вернее. И здесь мы покидаем Лейбница, чтобы присоединиться к Спинозе. Это уже не философия лучшего из возможных миров, это философия единственно возможного мира. То же самое говорит и Камю, полностью сходясь со Спинозой: «Значение имеет только одно – подлинность, а человечность и простота в нее вписываются. Но когда я могу быть более подлинным, чем тогда, когда я и есть этот мир? Я чувствую полную удовлетворенность еще до того, как начал чего-то желать. Вот она, вечность, на которую я надеялся. Я больше не желаю быть счастливым; все, что мне нужно, – это сознавать» («Изнанка и лицо»).

Благодарность (Gratitude)

Признательная память о том, что было; память о счастье или благодати; само это счастье или заново переживаемая милость. Именно поэтому благодарность является добродетелью – сознание долга приносит ей радость, тогда как самолюбие стремится о нем забыть.

Благодарность распространяется на былое, пока это былое сохраняется. Это счастливое воспоминание, обратное ностальгии. Благодарный человек с любовью думает о прошлом не потому, что этого прошлого больше нет (это и есть ностальгия), а потому, что истинность прошлого сохраняется в настоящем, которое не испытывает нехватки ни в чем. Благодарность – это вновь обретенное время, радостное ощущение вечности, что прекрасно показал Пруст в романе «В поисках утраченного времени». Память выступает здесь как надежная гавань в бушующем море жизни. И напротив, «жизнь безумца, – учил Эпикур, – неблагодарна и исполнена тревоги, она смотрит только в будущее». Благодарность противостоит ностальгии и является чувством, обратным надежде.

Благодать (Gr?ce)

Необъяснимый, безусловный, незаслуженный дар. Единственной благодатью является реальная действительность, оберегающая нас и наполняющая чувством полноты бытия.

Благожелательность (Bienveillance)

Способность испытывать желание, чтобы другому было хорошо, и, как следствие, либо стремление сделать для него что-то доброе (в этом случае благожелательность смыкается с благотворительностью), либо надежда, что это доброе случится с ним само собой. Во втором случае доброжелательность стоит

столько же, сколько надежда, т. е. ничего, хотя она все-таки лучше, чем злопыхательство.

Благоприобретенное (Acquis)

Акциденция, длящаяся во времени; то, что случается (то есть не является ни свойством, ни субстанцией) и сохраняется в этом виде. На практике благоприобретенное чаще всего противопоставляют врожденному. Благоприобретенное – это то, что мы получаем благодаря воспитанию, истории и культуре, а не по наследству и не от природы.

Проблема врожденного и благоприобретенного особенно остро дискутировалась в 1960–1970-е годы. Тогда появилась тенденция считать врожденное свойством «правого» толка, по определению толкающим человека к консерватизму и заставляющим его оставаться глухим к призывам политики, справедливости и истории. Напротив, благоприобретенное относили к числу «левых» качеств, открывающих дорогу действию, переменам и прогрессу. Один из еженедельников опубликовал статью, озаглавленную «Дарований не существует». Это был левый еженедельник. Другой посвятил всю первую полосу проблеме передачи по наследству умственных способностей. Это был правый еженедельник. Две полуправды, и одна и та же ошибка. На самом деле благоприобретенное не менее реально, чем врожденное, и так же может быть несправедливым.

Любой более или менее сложный человеческий феномен располагается как бы на стыке того и другого. Например, способность к речи у нас врожденная, но умение говорить на том или ином конкретном языке есть нечто благоприобретенное. А как обстоит дело с умственными способностями и талантами? Разумеется, и ум, и талант подразумевают некую биологическую подоснову, то есть нечто врожденное, но для их развития необходимы история, развитие, воспитание, то есть нечто благоприобретенное. Кому-то выпадает шанс получить и то и другое, кому-то – несчастье не иметь ничего.

Если бы Моцарта не учили музыке, он никогда не написал бы свои оперы. Но если бы меня обучили всей мировой музыкальной культуре, я все равно не стал бы Моцартом. Врожденное и благоприобретенное выступают в неразрывной

связи, иногда взаимно усиливая, иногда уравновешивая, а порой и мешая друг другу. Человек рождается человеком, а потом им становится. К отдельному индивидууму это относится в той же мере, что и к виду в целом. Естественная история – часть общей истории, как история человечества – часть природы. Так что в конечном счете благоприобретенным является все, в том числе и врожденное.

Благопристойность (Bienseance)

Способность или искусство пристойно, т. е. прилично, вести себя на людях или, как часто говорят, хорошо держаться, что требует известных усилий и самоконтроля. Благопристойность относится не столько к морали, сколько к вежливости; не столько к способу быть, сколько к умению казаться; не столько к добродетели, сколько к внешним приличиям. Благопристойность исключает поведение, шокирующее окружающих.

Диоген, публично предававшийся мастурбации, явно нарушал правила благопристойности. Впрочем, для него это был свой собственный способ добродетельного бытия.

Благоразумие (Prudence)

Не стоит сводить благоразумие к простому стремлению избежать опасности, a fortiori (тем более – лат.) – к некой рассудочной и расчетливой трусости. Также не следует, вопреки Канту, путать благоразумие с простым житейским эгоизмом. Философский смысл термина «благоразумие» – отражает одну из четырех главных добродетелей античности и средневековья, без которой три остальные (храбрость, умеренность, справедливость) слепы и неопределенны. Благоразумие это искусство выбора наилучших средств, ведущих к осуществлению заведомо благой цели. Чтобы поступать по справедливости, мало желать быть справедливым; чтобы поступать добродетельно, мало быть храбрым, умеренным и справедливым (ибо можно ошибиться в выборе средств). Возьмем, к примеру, политику. Большинство правителей желают добра нам и

нашей стране. Но как осуществить это желание? Вот где корень множества оппозиций, как на уровне правительства, так и на уровне рядовых граждан. Другой пример – родители. Почти все они желают своим детям добра. Увы, этого желания слишком мало, чтобы быть действительно хорошими родителями! Нужно еще знать, как воспитать детей, как сделать их жизнь хорошей или помочь им сделать свою жизнь хорошей. О том, что все этого хотят, не стоит и говорить! Но вот каким путем этого добиться? По-настоящему серьезный вопрос заключается, таким образом, не в цели, а в средствах. Что нужно делать и как именно? Любящие родители ищут ответа на него, но одна любовь дать его не в состоянии. Способность любить еще не освобождает нас от необходимости быть умными. Вот почему благоразумие необходимо. Аристотель говорил, что это добродетель ума или искусство жить и действовать как можно более умно.

К этому толкованию близко подходит и широко распространенное понимание благоразумия. Глупость почти всегда опасна, и это очень хорошо известно политикам и военным. Все они стремятся к победе, но это стремление не может заменить собой стратегию и тактику. То же самое относится к промышленникам и торговцам. Все они стремятся к прибыли, но помимо этого стремления необходимо еще знать, как ее получить. С врачами дело обстоит точно так же. Все они хотят, чтобы их больные выздоравливали, но этого желания недостаточно, чтобы исцелять людей. Благоразумие определяет не цели, как подметил Аристотель, но средства. Иными словами, оно не выбирает цель, оно указывает путь, каким следует идти к цели, если наука и техника бессильны помочь. Благоразумие – это что-то вроде практической мудрости (phronesis), без которой невозможна подлинная мудрость (sophia). «Благоразумие, – подчеркивает Эпикур, – дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели» (Письмо к Менекею), да и сама философия. Но откуда берется само благоразумие? Из разума (осуществляющего выбор средств), при условии, что он поставлен на службу желанию (осуществляющему выбор цели). Благоразумие не царствует (оно имеет смысл, только будучи поставленным на службу чему-то), но правит именно оно. Оно не заменяет собой ни одной другой добродетели, но руководит всеми, диктуя выбор средств (см. Фома Аквинский, «Сумма теологии», вопрос 57, § 5 и вопрос 61, § 2). И пусть это не самая высокая добродетель, она – наряду с храбростью – одна из самых необходимых.

Благословение (Benediction)

Доброе слово, способное обратить слово в добро. Ошибкой было бы слишком верить в силу благословения, т. е. ждать от него немедленного практического результата – конкретной помощи или защиты. Добрые слова не избавляют от необходимости добрых дел.

Благотворительность (Bienfaisance)

Способность творить благо, т. е. делать добро, действовать по-доброму. Благотворительностью называют главным образом добрые дела, совершаемые в пользу других людей (добрые дела, совершаемые ради себя, могут быть добродетельными, но не благотворительными поступками). Нередко слово «благотворительность» употребляется в ироническом контексте – за человеком, делающим другому добро, мы на вполне законном основании склонны подозревать либо расчет, либо снисходительность. Поэтому образ «благодетеля» редко вызывает в нас симпатию. Тем не менее это не должно служить оправданием эгоизму или бездействию.

Блаженство (Beatitude)

«Блаженство, – учит бл. Августин, – это радость в правде». Превосходное определение, указывающее на более широкое и более осмысленное счастье, по сравнению с которым наши обычные представления о счастье кажутся мелкими и иллюзорными, т. е. пропитанными нашими представлениями о себе. У истины нет «эго», следовательно, она не может быть эгоистичной. С другой стороны, всякая ложь предполагает эгоистический интерес, следовательно, истина не может быть ложной.

Блаженство – это подлинное счастье или счастье истины, вечное (как вечна истина) и полное (истина самодостаточна). Иными словами, блаженство – второе имя спасения. Не следует мечтать о нем слишком пылко. Блаженство вечно, поясняет Спиноза, разве может оно иметь начало? Следовательно, тщетна надежда достичь блаженства, а достигает его только тот, кто перестает его ждать.

«Если удовольствие состоит в переходе к большему совершенству, – продолжает Спиноза, – то блаженство должно состоять, конечно, в том, что душа уже владеет самим совершенством» («Этика», часть V, теорема 33, схолия). Но совершенство есть то же самое, что реальность («Этика», часть II, определение 6). Значит, блаженство – это нормальное состояние души, достичь которого нам мешают наши собственные иллюзии и самообман. Блаженство – не награда за добродетель, оно и есть сама добродетель («Этика», часть V, теорема 42).

Говоря проще, блаженство – это счастье мудреца, или сама мудрость, понимаемая как счастье. Блаженство состоит из радости, т. е. из любви. Его предмет – истина, т. е. все сущее. Блаженство – истинная любовь к истине.

Тот факт, что мы не способны достичь блаженства, не мешает блаженству иногда снисходить на нас.

Ближний (Prochain)

Любой другой человек, с которым мы непосредственно встречаемся. Он имеет право на нечто большее, чем просто уважение. Иначе зачем встречаться?

Бог(Dieu)

У древних греков и вообще в системе политеизма – бессмертное и блаженное существо. В монотеистических системах эти две характеристики сохраняются, однако утрачивают первостепенное значение, уступая онтологическому и нравственному измерениям: Бог – высшее существо, творящее и несотворенное (являющееся причиной самого себя), олицетворяющее высшее благо и справедливость; существо, от которого зависит все, но которое не зависит ни от чего. Бог есть действующий и персонифицированный абсолют.

Верующие обычно признают за своим Богом четыре основных атрибута, каждый из которых безграничен: бытие (Бог бесконечен), могущество (Бог всемогущ),

познание (Бог всеведущ), наконец, добро или любовь (Бог всеблаг и наделен бесконечной любовью). И в этом мы все походим на Бога, если он существует. Разве не наделены мы некоторой способностью к бытию, кое-каким могуществом, малой толикой способности к познанию и любви? В этом Бог похож на нас, если его не существует. Человек – нечто вроде конечного и смертного Бога; Бог – нечто вроде бесконечного и бессмертного человека. Антропоморфизм – не заблуждение религий, как говорил Ален, а «живая истина». Если бы Бог ни в чем не походил на нас, разве он создал бы нас по своему образу и подобию? И разве стали бы мы в него верить?

Бог являет собой высшее существо как с теоретической (максимум возможной истины), так и с практической (максимум возможной ценности) точки зрения. Истинный Бог и добрый Бог – одно и то же, иначе он не был бы Богом. По всей видимости, это сочетание доведенных до бесконечности истинности и доброты и может служить наилучшим, вернее сказать, наименее худшим, определением Бога. Бог есть истина как норма и, следовательно, норма всех истин. Бог – это тот, кто познает, судит и творит истинную ценность всех вещей. Бог есть смысл смыслов, или абсолютная норма.

Поэтому всякая истина, претендующая на абсолютную ценность, принадлежит теологии. Она – источник всевозможных религий (Бога, Истории, Науки, Бессознательного и т. д.) и изредка – атеизма.

Бог Спинозы (Dieu De Spinoza)

Полная противоположность Богу в привычном понимании слова (Бог). У Спинозы Бог – вечная и бесконечная истина, не имеющая ценности и смысла. Я бы сказал, что это безнадежно истинная истина, или безмолвная реальность. Этот Бог распознается по его молчанию.

Поскольку все сущее истинно, Бог Спинозы также являет собой бесконечное множество всего, что существует (природа). Поэтому Бог не может быть творцом природы.

Боль (Douleur)

Один из основных аффектов. Боль – противоположность удовольствия, но далеко не то же самое, что отсутствие удовольствия. О том, что такое боль, лучше всего рассказывает нам наше собственное тело, и этот «рассказ» стоит любых определений. Но ведь бывает и душевная боль? Разумеется, и опять-таки личный опыт каждого из нас легко подскажет нам, что это такое. Боль – нечто большее, чем неприятное или тягостное ощущение; это такое ощущение, которое невозможно забыть, которое захватывает нас целиком, отрезая от благополучия, расслабленности, отдыха; это ощущение, которое способно достигать такой интенсивности, что для его преодоления требуется настоящий героизм.

Следует ли проводить различие между болью и страданием? Некоторые авторы попытались совершить этот рискованный шаг. В частности, Мишель Шнайдер (38) в своей прекрасной книге о Шумане пишет: «Страдание осмысленно, боль – нет. Боль – явление скорее физическое или метафизическое; страдание – моральное или психическое… Мы можем страдать от многих разных вещей, но боль всегда одна, она захватывает нас целиком. Страдание можно преодолеть, работая над ним, и эта работа называется трауром. Но над болью работать бесполезно». По мнению автора, Шуман – художник боли, как Шуберт – художник страдания. Пожалуй, этот взгляд заставляет глядеть на страдание с большей долей симпатии, чем на боль, однако убедительным он мне все же не кажется. Может быть, дело в том, что лично мне довелось испытать боль и страдание, которые для меня сливались в одно.

Больший (Термин) (Majeure)

Одна из двух посылок силлогизма. Традиционно больший термин идет первым, однако значение имеет его содержание, а не занимаемое им место.

Бравада (Bravoure)

Храбрость перед лицом опасности, немного выставля ющая себя напоказ и тем самым словно бы растущая в собственных глазах. «Храбрец храбр, – говорит Жубер, – а любитель бравады старается показать, что он храбр».

Бред (Delire)

Расстройство мысли, ее отказ подчиняться подлинности. Бред – не столько утрата разума (например, параноидальный бред порой поражает своей логичностью), сколько утрата, иногда временная, ощущения реальности или здравого смысла. Когда разум пытается работать на холостом ходу, у него это плохо получается.

Принятое в медицине латинское название бреда – делирий – происходит от глагола delirare, что значит «сойти с колеи» (ср. современное «сойти с рельсов», «слететь с катушек» и т. д.). Сама этимология слова подсказывает, что единственной «колеей» для мысли должна быть реальность, действительность, или, говоря иначе, универсум, удостовериться в подлинности которого можно только путем его сравнения с чем-либо иным – миром молчания, или чужим разумом. Бред – это мысль, существующая сама по себе, вот почему гениальность иногда напоминает нам бред. Однако бред остается вечным заложником собственной исключительности, тогда как гениальность, даже если она «не от мира сего», все же открыта универсуму.

В расширительном значении бредом можно назвать всякую мысль, стремящуюся к самоизоляции. Таковы фанатизм, страсть, суеверие. Для всех этих явлений характерно стремление ставить смысл выше истины, убеждения выше разума, желания выше реальности. Того, кто следует этим путем, в его конце ждет костер, психушка или… брачный венец.

Бритва Оккама (Rasoir D’ockham)

Уильям Оккам, умерший в середине XIV века, относится к числу величайших мыслителей средневековья. Он был номиналистом, признавал существование

лишь единичных предметов, считал различение сущности и существования лишенным смысла, а в таких понятиях, как род или вид, и вообще в любом обобщении видел лишь концепцию души (intentio animae, что приближает его взгляды к концептуализму) или «знак, присваиваемый многим предметам» (что и делает его номиналистом). Учение Оккама известно сегодня лишь узкому кругу специалистов, за исключением этой самой бритвы, которую традиционно связывают с его именем. О чем здесь речь? О принципе экономии. Ок-кам призывает не умножать сущностей сверх необходимого, отсекая, как бритвой, все, что выходит за рамки реальности или опыта, то есть, в предельном случае, любую идею, которая не является необходимой или содержит претензию на существование в себе или в качестве отдельной сущности. Бритва Оккама – инструмент интеллектуальной гигиены, а также действенное орудие против платонизма.

Буддизм (Bouddhisme)

Учение Будды, проповедовавшего, что все на свете есть боль, а также способы избавления от этой боли, а именно: самоотречение (субъект – не более чем иллюзия); отказ от незыблемости (все в мире непостоянно), от тоски по чему бы то ни было (в мире есть все) и даже от спасения (нирвана (39) и сансара (40) суть одно и то же).

Будда – не божество и не опирается на авторитет какого-либо божества. Его учение представляет собой не столько религию, сколько духовный опыт; не столько философию, сколько мудрость; не столько теорию, сколько практику; не столько систему, сколько терапию. Таковы четыре достойные причины, по которым философам стоит заинтересоваться учением Будды.

Будущее (Avenir)

Этимология слова настолько прозрачна, что практически может служить определением: будущее – это то, что будет. На самом деле тавтология в данном случае обманчива. Действительно, если будущее будет, значит, оно существует,

но, если оно существует, где оно может существовать кроме настоящего? Самую жесткую формулировку предлагает бл. Августин: будущее, как и прошлое, может существовать «только в настоящем». Топология будущего (где оно находится?) определяет его онтологию (что это такое?). Но и та и другая подчинены концепту будущего, который является парадоксальным: где бы ни находилось будущее и каким бы оно ни было, оно может быть (как настоящее) только в той мере, в какой его еще нет. Это дает нам ответ на оба вопроса. Будущее может присутствовать в настоящем только в душе или сознании человека, потому что только человек способен представлять себе то, чего еще нет. Это свойство можно назвать способностью к предвосхищению или, что проще, способностью к ожиданию. Оно предполагает воображение, но также и, возможно, прежде всего, память. Представим себе грудного ребенка. Каким может представляться ему будущее? Только в виде повторения того, что с ним уже было, или, напротив, отсутствия того, что было. Мать была рядом, потом ее не стало; потом она снова вернулась, потом опять ушла, и так далее, и так далее. Ребенок не может не ждать (желать, надеяться, предвидеть), что мать вернется. Он не может не бояться, что она не вернется. Следовательно, мать присутствует с ребенком тогда, когда ее с ним уже нет (в его памяти) или еще нет (в его способности к предвосхищению). Будущее существует только в разуме, но не само по себе. Мы ждем будущего не потому, что оно существует (в мире); напротив, только потому, что мы его ждем, оно и существует (в нашем сознании). Поэтому будущее – не форма бытия, а воображаемый коррелят ожидающего сознания.

Будущее не существует; существует (в настоящем) только сознание, что здесь и сейчас будущего нет, но что оно может наступить. Это своего рода точка зрения разума на умение самого разума ждать. Поэтому всякое будущее субъективно. Ничто нас не ждет, это мы сами чего-то ждем, и часто (вспомним «Зверя в чаще» Генри Джеймса) так нетерпеливо ждем, что, когда ожидаемое наконец случается, у нас уже нет сил его пережить. «Вот так мы никогда не живем, – говорит Паскаль, – а только надеемся жить…» Это обрекает нас чувствовать себя жертвами времени, испытывать вечную нехватку чего-то, пребывать в нетерпении и терзаться страхами. Единственной преградой, отделяющей нас от настоящего и от вечности, являемся мы сами.

Бунт (Revolte)

Решительное силовое противостояние; отказ от повинове ния, подчинения; активное нежелание мириться с угнетением. В современном контексте словом «бунт» все чаще называют индивидуальное поведение (для обозначения коллективного бунта используют слова «беспорядки», «восстание», «революция» и др.). Немалую роль в этом сыграл Камю. «Кто такой бунтарь? – пишет он. – Это человек, который говорит: “нет”. Но в его отрицании содержится также и утверждение. Уже первым своим действием он говорит и “да”» («Бунтующий человек», I). Чему же он говорит «да»? Собственному бунту, готовности сражаться за имеющиеся или зарождающиеся ценности. «Бунтарь меняет порядок вещей. Только что он подставлял спину под удары плети хозяина, но вот он повернулся к нему лицом. Он ясно дает понять, что он ценит, а что ему не нравится. Не всякая ценность обязательно вызывает бунт, но за каждым бунтом стоит молчаливое признание какой-либо ценности» (там же). Этим «страстным утверждением» бунт и отличается от злопамятства: «За внешней негативностью бунта, который ничего не создает, стоит глубокий позитивный смысл, указывающий на наличие в человеке чего-то такого, что требует защиты» (там же). Бунтуя, человек порывает со своим одиночеством; бунт есть «то общее место, в которое уходит основой первостепенная общечеловеческая ценность. Я бунтую, следовательно, мы существуем» (там же). Но бунт означает также уход от нигилизма и даже… самого бунта, точнее говоря, не столько уход, сколько включение бунта в более широкий контекст, каким является сама жизнь, и его возвышение до такой ценности, какой является человечность. Бунт – это «самодвижение жизни», это «любовь и плодородие, или ничто» (там же, V). «Человек – единственное создание, которое отказывается быть тем, что оно есть» (там же, Введение). Но это подразумевает, что мы согласны принимать себя другими. Поэтому бунт – это не более чем переход от абсурда к любви, от «нет» к «да». Значит, надо двигаться по этому пути, ведь «абсурд – не более чем пункт отправления» (там же), хотя пройти этот путь до конца нельзя. Все это напоминает трехмерный ритм. Сначала мир говорит человеку «нет» (абсурд); потом человек говорит миру «нет» (бунт); наконец, слышится великое «да» мудрости или любви (Сизифово «все есть благо»). Но это «да» не отменяет ни первого, ни второго «нет», которые ему предшествуют и готовят его появление. «Да» служит им продолжением и принимает их в себя. Это справедливо в отношении абсурда, который является точкой отправления, но никуда не исчезает из мира (мудрость не может превратиться в оправдание или объяснение). Это еще более справедливо в отношении бунта. Сказать «да» всему на свете, что и есть единственно мудрое, это значит сказать «да» в том числе и всем «нет».

Буриданов Осел (?ne De Buridan)

Имя французского философа XIV века Жана Буридана известно сегодня исключительно благодаря этому самому ослу, притча о котором приписывается ему, хотя ни в одном из сохранившихся его сочинений ни о каком осле не упоминается. О чем же все-таки идет речь? О басне или некоей выдуманной ситуации, суть которой в следующем. Представьте себе осла, изнывающего в равной мере от голода и жажды и стоящего ровно посередине между ведром с водой и кормушкой с овсом. Не имея никакой причины пойти направо или налево, осел не сможет сделать выбор между водой и овсом и умрет от голода и жажды. Иногда эту историю приводят в качестве доказательства того, что свобода воли невозможна (действия каждого из нас детерминированы нашим представлением о благе, необходимости или доступности цели); иногда, рассуждая с точностью «до наоборот», – что она как раз возможна (поскольку в приложении к человеку басня о буридановом осле представляется абсурдом). Споры об этом идут, не умолкая, вот уже шесть столетий. Так что осел по-прежнему жив.

Бытие (?tre)

«Невозможно дать определение бытия, не впадая в нелепость [т. е. не пытаясь объяснить смысл какого-либо слова этим же словом], потому что определение любого слова начинается с выражения “это есть…” – неважно, выражается ли оно явно или подразумевается. Значит, для определения бытия необходимо сказать: “бытие есть…”, и тем самым использовать в определении само определяемое слово» (Паскаль, «О духе геометрии», I). То же самое подтверждает «Словарь» Лаланда, даже не цитируя Паскаля: бытие это «простой термин, определение которого невозможно». И не потому, что мы не знаем значения этого слова, но потому, что мы не можем дать ему определение, не допустив предположения, что заранее обладаем этим знанием, пусть и смутным. Если слово бытие «употребляется во многих смыслах», как говорил Аристотель (у которого каждый из этих смыслов выливался в категорию: бытие выступает под именами субстанции, количества, качества, отношения), это ничуть не помогает нам установить, что же это такое само по себе, ни что общего имеется во всех этих смыслах.

Бытие как существительное происходит от глагола быть. Если бы нам удалось дать определение глаголу, с существительным дело пошло бы легче. Итак, глагол «быть» чаще всего употребляется в двух основных значениях: абсолютном («этот стол есть») и относительном или соединительном, т. е. в качестве связки субъекта и предиката («этот стол – (есть) прямоугольный»). «Глагол “быть”, – отмечал Фома Аквинский, – употребляется в двух значениях. С одной стороны, он указывает на акт существования, с другой – выявляет структуру предложения, которую наш ум формирует, чтобы связать субъект с предикатом». Но насколько велико различие двух этих значений? И нельзя ли представить первое предложение в форме, предполагающей употребление глагола «быть» в качестве глагола-связки? Например, сказать: «Этот стол есть бытие»? Разумеется, можно, только с помощью этого маневра мы так и не узнаем о столе ничего нового. В первом значении, пишет Кант, «б ытиене есть реальный предикат, иными словами, оно не есть понятие о чем-то таком, что могло бы быть прибавлено к понятию вещи. Оно есть только полагание вещи или некоторых определений самого себя». Во втором значении, иначе говоря, «в логическом применении оно есть лишь связка в суждении» («Критика чистого разума», Идеал чистого разума, раздел 4). В метафизическом плане главную трудность представляет, разумеется, именно первое значение. Почему бытие не является действительным предикатом? Потому что оно ничего не добавляет к предполагаемому субъекту. Например, продолжает Кант, независимо от того, есть Бог или его нет, понятие Бога от этого не меняется. Вот почему нельзя от понятия совершить переход к существованию, а следовательно, доказать существование Бога исходя из простого определения (на что претендует онтологическое доказательства бытия Божьего).

Следует заметить, что в своем абсолютном значении (и если отвлечься от некоторых отличительных особенностей разных философов) глагол быть в общем и целом означает существовать; его противоположностью будет сочетание «не быть», как антонимом слова «бытие» является слово «небытие». Об этом говорил еще Парменид. «Бытие есть», т. е. имеется бытие, а не ничто. Именно этому нас учат опыт и мышление, именно это они предполагают. Быть значит входить составной частью в это «имеется», присутствовать в пространстве и времени (именно это я называю существованием), упорно отстаивать свое присутствие (настаивать на своем существовании) или просто присутствовать (это и есть, на мой взгляд, бытие в собственном смысле слова). В качестве определения подобная формулировка не годится, это ясно (любое из объяснений подразумевает глагол «быть»), что снова отсылает нас к Паскалю. Определить можно лишь то, что есть (сущее), не само бытие, которое предполагает любое высказывание. Спиноза, рискнувший дать в

«Метафизических мыслях» определение бытия (он называет бытием «все то, что при ясном и отчетливом восприятии необходимо существует или, по крайней мере, может существовать»), в «Этике» все-таки поостерегся его повторять и не предложил взамен никакого другого. Это хороший пример, и не грех ему последовать. Бытие прежде всего не понятие, поддающееся определению; это опыт, присутствие, акт действия, в предположительном виде присутствующие в любом определении, но не содержащиеся ни в одном из них. Значит, бытие это молчание и условие речи.

Бытие-В-Мире

(см. Dasein)

Бытие-Для-Себя (Pour-Soi)

«Быть-для-себя» означает находиться с собой в отношениях, выходящих за рамки простой самоидентичности. Тем самым «бытие-для-себя» отличается от «бытия-в-себе», в частности в терминологии Хайдеггера и Сартра. «Быть-в-себе» значит быть тем, что ты есть; «быть-для-себя», как поясняет Сартр, значит быть открытым бытию, что подразумевает не быть тем, что ты есть, и быть тем, чем ты не являешься. Это способ существования сознания, не позволяющий целиком и полностью совпадать с самим собой (существовать в себе): “Бытие-для-себя” – это такое бытие, для которого его собственное бытие оказывается под вопросом в той мере, в какой это бытие представляет собой главным образом определенный способ не быть самим собой и быть другим существом» («Бытие и ничто»). Стремление к «бытию-в-себе» для человека означает желание притвориться, что он не свободен (самообман); стремление существовать «в-себе-для-себя» означает желание стать Богом: «Таким образом, страсть человека обратна страсти Христа, ибо человек перестает быть собой ради того, чтобы родился Бог. Но идея Бога противоречива, и мы утрачиваем себя напрасно: человек есть тщетная страсть» (там же).

Бюрократия (Bureaucratie)

Власть столоначальников (от французского bureau – стол; отсюда же русское слово «бюро», т. е. контора), следовательно, власть служащих бюро. Противостоит демократии (служащие конторы – еще не народ), а в более широком смысле – политической власти. Этим бюрократия отличается от администрации. Администрация стоит на службе суверена; бюрократия его обслуживает, но и сама пользуется им, а часто стремится занять его место.

Свойствами бюрократии являются безличность и безответственность. Одного бюрократа всегда можно заменить другим бюрократом. Но можно ли свергнуть бюрократию? Ее ведь никто никуда не избирал, так что ей нет дела до избирателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kont-sponvil-_andre/filosofskiy-slovar

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить